ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 11 Мая 1849 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

СОЧИНЕНІЯ

МИЛОНОВА.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ,

ГОСПОДИНУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ,

ЗНАМЕНИТОМУ ЛЮБИТЕЛЮ И ПОКРОВИТЕЛЮ НАУКЪ И СЛОВЕСНОСТИ.

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ.

Я Знатныхъ не искалъ вниманія къ себѣ,
Но Ты, какъ Меценатъ, къ трудамъ моимъ склонился!
Вниманіемъ Твоимъ мой Геній окрылился —
Онъ долженъ славенъ быть, коль нравился Тебѣ.
Въ высокомъ санѣ Ты, стремясь стезею правой,
Ревнуешь въ доблестяхъ безсмертному отцу:
Я жъ Задунайскаго во слѣдъ иду пѣвцу —
И именемъ Твоимъ знакомлюся со Славой.

НИНА.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СЕН-ВИКТОРОВОЙ ПОЭМЫ: *Надежда.*

Замѣна счастія, отрада въ скорбный часъ,
Надежда никогда не оставляетъ насъ;
Какъ ангелъ благости, какъ жизни воскреситель,
Идетъ подъ мрачный кровъ, страданія въ обитель,
На язвы тяжкія цѣлебный льетъ бальзамъ,
Спокойствіе ея послѣдуетъ стопамъ —
И возраждается угасшее желанье....
Вся прелесть нашихъ благъ въ одномъ ихъ ожи-
даньѣ.
Пусть отняты судьбой, пусть намъ не суждены
Но съ ней — онѣ при насъ, но съ нею — намъ
даны!
Всевышній на землѣ карая преступленья,
Въ надеждѣ намъ залогъ оставилъ примиренья;
Да будетъ намъ вождемъ въ жилищѣ мрачномъ
бѣдъ.
Какъ путнику, вдали, гостепріимный свѣтъ,
Средь бурь, заблудшему, пристанище являетъ,
И робкіе шаги къ нему онъ ускоряетъ,
Хоть путь еще далекъ, но трудъ его забвенъ:
Такъ ею жребій нашъ въ семъ мірѣ усл ажденъ!
Мечтанья кроткія вокругъ ея толпятся;
О радостяхъ мечтать есть ими наслаждаться.

Надежда, божество, живущее со мной!
Замѣна благъ моихъ, похищенныхъ судьбой,
Какъ щедръ въ дарахъ Творецъ, такъ ты во утѣшеньѣ!
Ты выше благъ земныхъ: ихъ кратко наслажденье!
За нѣгой скука въ слѣдъ, за счастьемъ скорбь идутъ —
И рядомъ свой фіалъ съ сосудомъ ихъ несутъ;
Веселіемъ самимъ душа людей томима,
То нужно для сердецъ — а ты необходима!
Какъ другъ, насъ проводивъ на самый смертный ровъ,
Бросаешь ты на гробъ безсмертія покровъ!

Въ душѣ моей живетъ печальный жребій Нины,
О, жертва бѣдная гоненія судьбины!
Въ веснѣ ея златой другъ нѣжный былъ у ней,
Въ союзѣ двухъ сердецъ все счастье юныхъ дней;
Ихъ пламенная страсть на-вѣкъ соединяла;
Но бѣдность, коей съ нимъ она не примѣчала,
Разврату одному грозящая собой,
Расторгла ихъ союзъ отца ея рукой;
Пусть проклятъ первый тотъ, кого безумна сила
На юныя сердца оковы наложила,
Кто счастье чадъ своихъ на златѣ основалъ,
И въ чувствахъ ихъ себя посредникомъ избралъ!
Безумецъ! для него лишь нужно обольщенье,
Онъ златомъ замѣнить имъ хочетъ наслажденья.
Онъ собственный свой врагъ, онъ благъ супруговъ тать:

Ихъ счастье — чтобъ *дѣлить*, не въ томъ, чтобъ *обладать*.
Въ томленіи своемъ, отверженный, несчастный,
Другъ Нины для нея рѣшился въ путь опасный,
Трудомъ искать того, что не дано судьбой, —
Ея плачевный гласъ онъ слышитъ за собой:
«Теки, коль должно, въ путь, но Нины злополучной
«Во странствіи твоемъ далекомъ не забудь,
«Съ богатствомъ возвратись съ любовью неразлучной,
«Будь счастливъ, будь хранимъ и Нинѣ вѣренъ будь!»
Разстались. Мысль ея, надеждою прельщенна,
Ужъ друга зритъ въ краяхъ чужихъ обогащенна.
О, прелесть сей мечты! съ любовью, съ торжествомъ,
Ужъ мнитъ летящаго обратно видѣть въ домъ,
Душа блаженствуетъ надежды упоеньемъ —
И Нина, въ сиротствѣ, всѣхъ выше наслажденьемъ!
Свершилися мольбы! суровый рокъ хотѣлъ,
Чтобъ, путь свой совершивъ, любовникъ Нины страстной,
Летѣлъ съ наградою въ отеческой предѣлъ,
Богатство получивъ, искать руки Прекрасной;
Ужъ волны подъ его бѣлѣютъ кораблемъ,
Уже не устаетъ взоръ бдящій надъ рулемъ,
Уже винитъ его желаній нетерпѣнье,
Быстроносящія стихіи замедленье,
Мольбою ускорить ея мечтаетъ бѣгъ —
И радостнымъ очамъ желанный вскрылся брегъ!

Повѣренный — письмо, сердечныхъ чувствъ вѣстѣ-
стититель,
Летитъ къ возлюбленной, свиданья возвѣститель:
«Заутра на зарѣ — восторгъ объемлетъ духъ —
«Съ богатствомъ предъ тобой явится твой су-
пругъ!»
Кто можетъ описать всю прелесть восхищенья?
Онъ завтра будетъ здѣсь! ужъ Нины страстный
гласъ
Неизъяснимаго, въ минуту нетерпѣнья,
Зоветъ медлительно идущій ночи часъ;
Желанный мракъ насталъ, въ борьбѣ, въ изне-
моженьѣ,
Клянетъ наставшій мракъ и ночи продолженье;
Любовь недремлюща сонъ сладкій гонитъ прочь;
Всѣхъ болѣе тогда для Нины длилась ночь.
Лишь свѣтлый воспылалъ зарею сводъ небесный,
Бѣжитъ, забывши сонъ, на путь для ней извѣ-
стный
И въ даль туманную свой жадный мещетъ взглядъ;
Наставшій день зоветъ днемъ радостей, отрадъ;
Но солнце востекло высоко надъ горою,
Все пусто, на пути не видно никого: —
«Онъ думалъ, онъ хотѣлъ явиться здѣсь съ зарёю,
«Что можетъ удержать стремленіе его?»
Ужъ клонится къ груди взоръ Нины и томится —
И страхъ мучительный средь радости родится.
На каменной скалѣ, смущенная, блѣдна,
Недвижима сидитъ и друга ждетъ она.
Скатилось солнце въ понтъ, лучъ слабый дога-
раетъ,

И сумракъ на поляхъ вечерній наступаетъ;
Со меракомъ множится въ душѣ ея печаль:
Въ туманы облеклась и спитъ окрестна даль!
Вдругъ слышитъ: о, восторгъ! коня внезапно
ржанье!
И стукъ его копытъ! и поля трепетанье!
Онъ, Небо! и бѣжитъ — о ужасъ! передъ ней
Видъ чуждый, молніи является быстрѣй,
Нахмурено чело, ликъ всадника ужасенъ,
— О, Нина! твой супругъ... «почто еще не съ
нимъ?
Что медлишь? и гдѣ онъ?»—Недвижимъ и безгла-
сенъ,
Изверженъ бурею предъ берегомъ роднымъ! —
При словѣ Нина семъ, въ мгновенномъ измѣненьѣ,
По жиламъ мразъ протекъ, по членамъ цѣпенѣнье,
Померкъ блуждающій огонь въ ея очахъ,
Стѣснился въ сердцѣ вздохъ, рѣчь замерла въ
устахъ,
Повергласъ — и надъ ней, сопутникъ злой судь-
бины,
Забвенья долгій часъ, преддверіе кончины.
Три раза свѣтлая денница настаетъ,
Три раза ночи мракъ чреду свою беретъ,
О, чудо! къ Нинѣ жизнь явилась съ пробужденьемъ,
Открылся не смущенъ взоръ свѣтлый огор-
ченьемъ,
Встаетъ — окружена родимою семьей,
Зритъ матерь, зритъ сестеръ, рыдающихъ о ней;
Взглядъ быстрый, на устахъ видна улыбка дика;
Отсутственна ума несчастная улика!

Развѣяны власы, въ ланитахъ огнь угасъ —
И мать не узнаетъ ея невнятный гласъ!
Подобно тѣмъ огнямъ, вкругъ гроба вознесеннымъ,
Которы, теплясь, свой тихій свѣтъ ліютъ,
Незримые очамъ, навѣки затворенньмъ,
Гдѣ тлѣніе и смерть печать свою кладутъ:
Такъ сердце въ ней еще любовію пылаетъ!
Такъ Богъ, отнявши все, надежду посылаетъ,
Безплодный для души, но сладостный обманъ!
Ждетъ друга своего къ себѣ изъ дальнихъ странъ:
Онъ живъ, онъ будетъ здѣсь, онъ вѣрно возвратится! —
И скорбное лице улыбкою живится!
Въ мечтаньяхъ радостныхъ друзьямъ своимъ речетъ:
Утѣшьтесь! не теперь, такъ завтра онъ придетъ!
Украся тщательно себя одеждой брачной
И свивши въ даръ вѣнокъ, идетъ опять къ скалѣ,
Зритъ издали его — встаетъ какъ призракъ мрачной,
Въ туманѣ облаковъ касаяся землѣ!
Поникнувъ, ждетъ его въ терпѣніи безплодномъ,
Какъ скорбь, простертая на мраморѣ холодномъ, —
Такъ Нина, въ горести, стремится съ каждымъ днемъ,
Срывать ему цвѣты, въ томленьи дожидаться,
Вновь встрѣчна пастыря распрашивать о немъ,
И съ прежней пустотой подъ кровъ свой возвращаться;
Лишенная всего, такъ дни она вела,

Протекшее забывъ, грядущаго не зная,
Лишь новою мечтой духъ скорбный услаждая —
И, вѣстницей когда свиданья, смерть пришла,
Чрезъ время долгое на благость преклоненна,
Въ бореніи тоски, надеждой приведенна,
Простершись на скалѣ, она его ждала.
Я видѣлъ мирный холмъ, гдѣ Нины прахъ со-
крыли,
Сѣнисты яворы свой верхъ вокругъ склонили,
И, будто сѣтуя, шумятъ надъ нимъ порой;
Тамъ путникъ, въ ясну ночь, съ чувствительной
душой
Зритъ тѣнь ея, луны сіяньемъ освѣщенну,
Встающу медленно изъ гроба предъ собой,
И мыслитъ: нашу жизнь, печальми отягченну,
Украсила судьба надеждою одной.

КЪ РУБЕЛЛІЮ.

САТИРА ПЕРСІЕВА.

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?

Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я!
Что твой минутный блескъ? что санъ твой горделивой?
Стыдъ смертнымъ — и укоръ судьбѣ несправедливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ гражданъ;
Пусть скроюсь, пусть навѣкъ бѣгу отъ ихъ собора,
Чѣмъ выставлю свой стыдъ для строгаго ихъ взора;
Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,
Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?
Безцѣненъ лавръ простой вѣнчая ликъ Героя;
Священъ лишь на царѣ владычества вѣнецъ;
Но коль на поприщѣ, устроенномъ для боя,
Неравный силами, уродливый боецъ,
Гдѣ славу зрѣть стеклись безчисленны народы —
Явитъ убожество, посмѣшище природы,
И, съ низкой дерзостью, Героевъ станетъ въ рядъ,
Ужель не обличенъ онъ наглымъ ослѣпленьемъ,
И менѣ на него уставленъ взоръ съ презрѣньемъ?
Тамъ всѣ его шаги о немъ заговорятъ
Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищетъ славы!
Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу льстецовъ лукавыхъ,
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?

Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ почтенны,
Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ,
Заставитъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой!
Минутою одной пріятенъ лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой,
Онѣ насъ усладятъ, онѣ возвысятъ насъ!
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ,
Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій и льстецъ.
Наемная хвала — безславія вѣнецъ!
Кто чтитъ достоинства и чувства въ насъ не знаетъ,
Въ неистовствѣ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ,
Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко осрамляетъ;
Унизимъ ли мы то, что̀ выше насъ самихъ?
Когда презрѣніе питать къ тебѣ я смѣю —
Я силенъ — и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но честію твоихъ сокровищъ не куплю!
Мнѣ ль думать, мнѣ ль скрывать для обща посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай — но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра:
Въ мракъ гроба? но и тамъ потомство насъ найдетъ;

Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ
падетъ,
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!

КЪ ДРУГУ.

О НАСЛАЖДЕНІИ ВЪ ЖИЗНИ.

Мой другъ, на свѣтѣ все премѣнно,
Въ немъ счастія прямаго нѣтъ;
Улыбка радости мгновенна,
Мгновенна горечь лютыхъ бѣдъ,
Какъ въ осень служатъ часто воды
Добычей бурной непогоды,
Такъ нашъ непостояненъ рокъ;
Днесь мыслью къ небесамъ несемся,
Заутра внутрь земли простремся,
И сонъ нашъ крѣпокъ и глубокъ.

Еще алѣютъ юны розы,
Гдѣ, въ утренній прохлады часъ,
Подъ древъ благоуханны лозы,
Отъ дерзкихъ укрываясь глазъ,
Обнявшись съ музой намъ пріятной,
Мы пили нектаръ благодатный —
Еще цвѣтутъ изъ миртъ вѣнки,
Которыми тогда веселы
Младыя украшались челы
О тънѣжной Граціи руки.

Еще живетъ воспоминанье,
Но сколь далекъ блаженства мигъ!
Томитъ вновь алчность и терзанье
Едва желанія достигъ;
Утратой благъ имъ знаемъ цѣну.
Онѣ поставлены на смѣну
Печалей тяжкихъ и скорбей;
Въ несчетныхъ замыслахъ стремиться,
Но вѣкъ ни чѣмъ не насладиться —
Вотъ жребій горестный людей!

Ты въ самой обрѣтешь природѣ
Непостоянства тотъ же чинъ;
Льзя ль вѣчно ясной быть погодѣ
И вѣкъ цвѣсти лицу долинъ?
Коль все на краткой срокъ созданно
Казаться ль можетъ постоянно?
Тамъ сохнутъ токи быстрыхъ водъ,
Здѣсь неба ясный сводъ мрачится,
И нашъ подобно ликъ затмится
Печалей облакомъ, заботъ.

Промчится невозвратно время,
Забавъ, веселій легкій часъ,
Лѣтъ многихъ отягчится бремя —
И старость, храмля, встрѣтитъ насъ,
Главу сѣдинами посыплетъ,
Чела въ морщинахъ дни исчислитъ,
И грозною своей клюкой,
Не внемля гласъ мольбы безсильной,

Укажетъ путь подъ кровъ могильной,
Согнувъ хребетъ къ землѣ сырой.
Въ дѣлахъ благихъ путь жизни трудный,
Въ весельи горесть усладимъ;
И силой многой неоскудный,
Союзъ мы сердца заключимъ;
Живи — грядущее забуди,
И настоящимъ счастливъ буди —
Вотъ мудрости законъ святой!
Ему во слѣдъ кто идетъ строго,
Съ тѣмъ радость и веселье много
И сладкой для души покой.

Уже ль возстать на Провидѣнье,
Что тлѣнность намъ дана въ удѣлъ,
Что есть отъ бѣдъ успокоенье,
Борьбѣ, страданіямъ предѣлъ?
Сыны ничтожества и тлѣна,
Для насъ во всемъ нужна премѣна,
И радость самая томитъ.
Блаженъ, кто мудръ въ увеселеньяхъ,
Въ желаньяхъ скупъ и въ наслажденьяхъ,
Даръ Неба — здравіе хранитъ;

Кому ни скорби, ни недуги,
Мечты, обманы, суеты,
Ни горести, заботъ подруги,
Не сократили здѣсь пути;
Кто могъ спокойно Парку встрѣтить,
Приходъ ея не запримѣтить,
Конца болѣзненна не ждать;

Но, гостю уподобясь сытну
Возстать отъ пиру преизбытну —
И долгъ хозяину отдать.

Гдѣ свѣтъ ума, мой другъ, слабѣетъ,
Пусть насъ ведетъ надежда тамъ,
Разсудокъ строгій гдѣ робѣетъ —
Тамъ путь открытъ ея стопамъ;
Съ нимъ скорбь, боязнь, тщета, сомнѣнья,
Надежда есть полнаслажденья;
Грядущій жребій нашъ сокрытъ,
Всѣмъ умереть судьбы въ законѣ:
Кто спитъ у матери на лонѣ,
О пробужденьи тотъ не мнитъ.

И такъ, мой другъ, пока посцѣетъ
Пожать тебя судьбины серпъ,
И волю духъ еще имѣетъ,
И намъ даетъ отсрочку смерть,
Прижми на персяхъ, въ нѣжны длани,
Одѣту въ благолѣпны ткани,
Плѣниру сердцемъ и красой,
Сбери друзей и чадъ любезныхъ,
Ударь во струны лиръ небесныхъ
И жизни радости воспой!

ПАДЕНІЕ ЛИСТЬЕВЪ.

ЭЛЕГІЯ.

Разсыпанъ осени рукою,
Лежалъ поблекшій листъ кустовъ;
Зимы предтеча, страхъ съ тоскою
Умолкшихъ прогонялъ пѣвцовъ;
Мѣста сіи опустошенны.
Страдалецъ юный проходилъ;
Ихъ видъ, во дни его блаженны,
Очамъ его пріятенъ былъ.
Твое, о, роща! опустѣнье
Мнѣ предвѣщаетъ жребій мой,
И, каждаго листа въ паденьѣ,
Я вижу смерть передъ собой!
О, Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мнѣ внятенъ гласъ:
«Долинъ отцвѣтшихъ созерцатель,
Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ!
Твоя весна скорѣй промчится,
Чѣмъ пожелтѣетъ листъ въ поляхъ
И съ стебля сельный цвѣтъ свалится» —
И гробъ отверзтъ въ моихъ очахъ!
Осенни вѣтры возшумѣли
И дышутъ хладомъ средь полей,
Какъ призракъ легкій улетѣли
Златые дни весны моей!
Вались, вался листъ мгновенный,
И скорбной матери моей,
Мой завтра гробъ уединенный,

Сокрой отъ слезныхъ ты очей!
Когда жъ къ нему, съ тоской, съ слезами,
И съ распущенными придетъ
Вокругъ лилейныхъ плечъ власами,
Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
Какъ станетъ помрачаться день,
Тогда буди ты легкимъ шумомъ
Мою утѣшенную тѣнь! —
Сказалъ — и въ путь свой устремился,
Назадъ уже не приходилъ;
Послѣдній съ древа листъ сронился,
Послѣдній часъ его пробилъ.
Близъ дуба юноши могила;
Но, съ скорбію въ душѣ своей,
Подруга къ ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечерніи зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ.

КЪ ЛУКАЗІЮ.

(САТИРА ВТОРАЯ.)

—

Луказій! рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ
И требуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ:

Какъ славы достигать и имени пѣвца;
Что легче, какъ найти невѣжду и льстеца?
Ищи ихъ и пиши: все будетъ совершенно!
Писателемъ прослыть весьма обыкновенно.
Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ — и слава твой
удѣлъ!
Рубеллію тверди, что онъ рожденъ вельможей,
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожѣй,
А *Балдусу*, вралю, что первый онъ поэтъ —
И одами зови его высокій бредъ;
Утѣшь его, скажи, что добрый часъ настанетъ
И свѣтъ стихи его порочить перестанетъ,
Что рано ль, поздно ли, насмѣшники помрутъ —
И томы пыльные читателей найдутъ;
Къ *Вралеву* забѣги съ пренизкимъ ты поклономъ:
Ему не въ первый разъ вступаться Цицерономъ
За скаредныхъ пѣвцовъ, уродство ихъ хвалить,
Дерзни его хоть разъ съ Гораціемъ сравнить —
И онъ, не устрашась, провозгласитъ предъ свѣ-
томъ
Тебя и Пиндаромъ и классикомъ-поэтомъ!
Тамъ къ *Бавію* иди: сей ждетъ тебя бѣднякъ,
Отецъ *помѣсячныхъ* нелѣпостей и вракъ,
Дай что-нибудь ему! онъ скоро разорится —
И жизнь твоя какъ разъ въ журналъ его вклеится!
Съ огромною своей поэмою спѣши
Въ домъ *Клита*, и ему усердно припиши:
Онъ знатный господинъ, талантовъ покровитель,
И просвѣщенія въ отечествѣ ревнитель,
Страницей лести лишь пожертвуй — и твой трудъ

На счетъ его казны тиснѣнью предадутъ!
Лишь книга добрая явиться въ свѣтъ не смѣетъ,
А вздорная вездѣ заступниковъ имѣетъ,
Нѣтъ нужды, что о ней забудутъ черезъ день!
Тѣмъ лучше, сочинять Луказію не лѣнь;
Комедіи своей желаешь ли успѣха:
Зови друзей въ театръ для хлопанья и смѣха —
И слава о тебѣ промчится *въ шумный рай*!
Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай:
Быть можетъ, за игру актрисы превосходной,
Похвалятъ и стихи въ трагедіи негодной;
Тогда тебя введутъ къ *Лукуллу* въ пышный домъ,
Гдѣ онъ, обсаженный невѣждами кругомъ,
За каждую строку твоей подлѣйшей лести,
Сторицею воздастъ хвалы тебѣ и чести!
Въ ученыхъ обществахъ ты станешь засѣдать,
Куда стекаются не слушать — а зѣвать;
Гдѣ *Мидасъ*, мстя женамъ, въ безсмысліи суровомъ,
Недавно ихъ морилъ своимъ похвальнымъ словомъ;
Но только ли еще? — о геніѣ твоемъ
И *Клузій* возвѣститъ въ изданіи своемъ,
И *Глазуновъ*, сей мужъ, толико благодарной,
Распишетъ о тебѣ хвалой высокопарной,
И книжнаго ума брадатый продавецъ
Всѣхъ будетъ увѣрять, что первый ты пѣвецъ!
У насъ кто захотѣлъ въ поэты — записался;
Хоть новый рекрутъ сей съ грамматикой не знался,
Нѣтъ нужды до того! отвага, дерзость, лесть,
Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводятъ въ честь!
Смѣлѣй бери перо! примѣры предъ тобою;
Такъ *Мевій*, разродясь сатирою одною,

И выдавъ сто дурныхъ стиховъ на перечетъ,
Попалъ въ пѣвцы и всѣмъ свой строгій судъ даетъ;
Ахъ, сколько есть такихъ, которы отъ рожденья
Не могши написать двухъ строкъ безъ погрѣшенья,
Взялись о правилахъ и вкусѣ говорить;
Невѣжда болѣ всѣхъ имѣетъ страсть учить.
И ты, хоть не богатъ своимъ природнымъ даромъ,
Старайся замѣнить его отвагой, жаромъ,
Найдутся многіе, которые простятъ
Безсмыслицѣ твоей, за то, что въ ней узрятъ
И цѣль полезную, и рвеніе благое,
Которы облечешь ты въ рубище худое!
Что добрый гражданинъ, что въ службѣ ты давно;
Какъ-будто гражданинъ и авторъ все равно!
Какъ-будто стыдъ тому, кто всѣхъ изъ насъ честнѣе,
Быть въ мысляхъ правильнѣй, и въ связи ихъ яснѣе;
Пусть *Фабій*, нѣжный другъ, пусть добрый онъ отецъ,
Пусть мужа вѣрнаго онъ будетъ образецъ,
Всѣ качества сіи достойно уважаю.
Но, слушая его трагедіи — зѣваю;
И еслибъ кто дерзнулъ въ присутствіи моемъ
Сказать, что онъ рожденъ трагическимъ пѣвцомъ —
И мнѣ бы отвѣчать на то не можно было:
Молчаніе мое льстеца бы обличило.
И какъ, не измѣня и чести и стыду,
Осмѣлюся назвать я, къ собственну вреду,
Нескладнаго пѣвца поэтомъ превосходнымъ,

Хотябъ онъ въ добротѣ Сократу былъ подобнымъ?
Радковскаго вранье поэмою считать,
Съ россійскимъ Пиндаромъ *Безсмыслова* равнять,
И, чтобъ никто въ моемъ безумствѣ не сомнился,
Кричать, что снова Юнгъ въ *Плаксевичѣ* родился!
Скорѣй рѣшусь принять ужасный приговоръ,
Что буду помѣщенъ поэтовъ сихъ въ соборъ,
Скорѣе соглашусь смѣшнѣе быть *Шутова*,
Глупѣе *Бавія* и даже злѣй *Злослова*!
Но это для себя, Луказій, я сказалъ,
Ты смѣло достигай великихъ сихъ похвалъ;
Такъ *Фирса* Томасомъ друзья его назвали,
Хоть смысла у него въ твореньяхъ не встрѣчали —
Но онъ привыкъ искать не смысла, длинныхъ словъ,
И мало ли ему подобныхъ есть творцовъ?
Ихъ дружбы ты ищи, ихъ слушай наставленья,
Яви себя рабомъ нелѣпаго ихъ мнѣнья,
Наука ихъ легка: не думать ни о чемъ,
Лишь страннымъ щеголять въ болтаньи языкомъ;
Такъ *Вадій* нанизалъ поэму въ ихъ расколѣ
Изъ смѣси чудныхъ словъ, неслыханныхъ до-толѣ —
И вправду славенъ онъ! поэмой будутъ сей
Теперь опредѣлять безуміе людей!
Но главный мой совѣтъ: будь твердъ въ своемъ ты мнѣньѣ
И бранью защищай нелѣпое творенье;
На все за дѣтище любезное дерзай,
И умнымъ и глупцамъ ни въ чемъ не уступай.

Быть можетъ, иногда ты встрѣтишь, хоть ихъ
мало,
Людей, которые острятъ на глупость жало,
Тогда, разсвирѣпѣвъ и взявши грозный видъ,
Брани ихъ наповалъ, забывъ и честь и стыдъ;
Безбожникъ, закричи, злодѣй и извергъ свѣта!
Кто смѣетъ не почтить въ Луказіѣ поэта!
Но этихъ смѣльчаковъ немного межъ людей,
И прозѣ и стихамъ большая часть судей:
Педантъ, надъ книгами, въ теченіе полвѣка;
Утратившій и смыслъ и образъ человѣка,
Который всякій часъ, съ надменною мечтой,
Вамъ будетъ замѣнять грамматику собой,
Который все наукъ прошелъ обширно поле,
И самъ — томъ древнія грамматики — не болѣ.
Иль авторъ мелочей, въ посланіяхъ своихъ,
Гдѣ съ здравой логикой въ раздорѣ каждый стихъ,
Дающій вѣсъ умамъ, познаніямъ, талантамъ,
Иль *Варіусъ*, что̀ схожъ съ огромнымъ фоліантомъ,
Въ которомъ столько же нелѣпицъ сколько словъ,
Иль славы ищущій ругательствомъ *Злословъ*,
Кто площадную брань, намъ выдавъ за сужденье,
Себѣ вмѣняетъ въ честь всеобщее презрѣнье,
Иль *Друзъ*, что̀ о любви къ отечеству твердитъ,
И первый самъ его невѣжествомъ срамитъ! —
Ступай, Луказій мой, храня въ душѣ отвагу,
Смѣлѣй переводи чернила и бумагу,
Такое ремесло ни мало не во вредъ!
Но вижу, что тебя смущаетъ мой совѣтъ;
Такими ль, говоришь, такими ли путями,
Державинъ, Дмитріевъ, прославились межъ нами?

Не всѣ подъ счастливой планетой рождены;
Лукáзій, чтобъ дерзать за славой какъ они,
Чтобы стяжать вѣнцы, которы ихъ покрыли,
Имъ равныя, скажи, имѣешь ли ты силы?
Питаешь ли въ груди божественный сей жаръ;
Который отъ небесъ немногимъ посланъ въ даръ,
Сію высокость чувствъ и духа благородство:
Достоинство людей, поэтовъ превосходство!
Для славы истинной отважишься ль на все,
Найдешь ли ты въ себѣ возмездіе свое?
Луказій! не мечтай: мнѣ цѣль твоя извѣстна!
Съ прямымъ талантомъ лесть и низость не совмѣстна.
Для тѣхъ особый путь назначёнъ былъ судьбой;
Тебѣ ли, какъ они, прославиться собой,
Одну лишь страсть къ стихамъ несчастную имѣя?
Что подвигъ Геркула для слабаго Пигмея?
Совѣтъ же мой легокъ — и къ славѣ путь прямой—
Рѣшился: въ добрый часъ! пиши — и Богъ съ тобой!

ВЕСНА ТИБУЛЛА.

Ужъ таютъ на поляхъ снѣга,
Дожди спадаютъ благодатны,
И снова вѣютъ на луга
Весенни вѣтры ароматны,
Одѣлись холмы красотой,

Бѣжитъ ручей, сверкая въ полѣ;
Все обновилося съ весной:
Тибуллъ не обновится болѣ!

Зазеленѣлъ высокій лѣсъ;
И пробужденна Филомела,
Съ весенней нежностью небесъ,
Въ пріютъ знакомый прилетѣла;
Вновь, съ другомъ сердца своего,
Поётъ восторгъ въ счастливой долѣ;
Но ты, Тибуллъ, но ты ужъ болѣ
Не встрѣтишь друга твоего!

И прочь мечта уже летитъ,
Сей призракъ, коимъ обольщался,
Лишь благъ протекшихъ смутный видъ
Одинъ душѣ твоей остался;
Снѣдаетъ сердце скорби ядъ,
Отрадный сонъ забыли вѣжди
И гаснетъ пламенникъ надежды
На гробѣ всѣхъ твоихъ отрадъ.

Ты зрѣлъ ли преклоненный вязъ,
Лишенный листьевъ, обожженный,
Котораго Перунъ потрясъ,
Низпавъ со тверди воспаленной?
Всего лишася, онъ готовъ
Чрезъ мигъ печально пасть въ долинѣ....
Тибуллъ! потребно ль больше словъ,
Чтобъ о твоей вѣщать судьбинѣ?....

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Beatus ille qui procul etc. *Hor.*

Блаженъ, кто жизнь свою въ свободѣ провождаетъ,
Какъ первобытныя вселенны гражданинъ,
Доставшійся ему удѣлъ распространяетъ,
И въ отческихъ поляхъ работаетъ одинъ.
Его не устрашитъ труба, войну гласяща,
Свирѣпыхъ воиновъ во трепетъ приводяща,
Ни разъяренныя стихіи грозный видъ;
Корысти онъ во слѣдъ чрезъ бездны не летитъ.

Но лучшею себя забавой услаждая,
Въ саду сухую вѣтвь пилой отъемлетъ прочь,
Ослабшую крѣпитъ, съ другой сочетавая,
Тамъ тополу спѣшитъ любимому помочь;
Съ веселіемъ стада съ полей своихъ встрѣчаетъ,
Тамъ круторогую телицу загоняетъ,
Тамъ агницы стрижетъ сребристое руно,
Иль, златомъ полное, обходитъ онъ гумно.

Когда жъ, вѣнчанная румяными плодами,
Къ намъ осень притечетъ, обильная въ дарахъ,
Какъ матерь щедрая, ожиданна сынами,
И пиршество для нихъ устроитъ на поляхъ:
Приспѣла сладкая трудовъ его награда,
Тамъ точитъ пурпурный онъ сокъ изъ винограда,
Тамъ, имъ взрощенный плодъ, рука его беретъ,
Иль въ чашу свѣтлую янтарный цѣдитъ медъ,

Все вамъ, о боги, въ даръ! вамъ жертвы обреченны:
Властители лѣсовъ, стрегущіе стада
И быта сельскаго хранители священны,
Приноситъ перваго избытки онъ плода;
Вашъ храмъ, украшенный работою простою,
На утріе его исполнится хвалою,
Церерѣ принесетъ онъ юнаго овна,
И Вакху на алтарь — обильный токъ вина.

Садится ль онъ дубовъ развѣсистыхъ подъ тѣнью,
На мягкой зелени, кропимой ручейкомъ,
Внимаетъ ли его пріятному теченью,
Согбенный думою, или объятый сномъ,
Летающій зефиръ въ него прохладой дуетъ,
На вѣтви голубокъ, уединясь, воркуетъ,
И самъ поетъ вблизи пернатыхъ царь пѣвцовъ,
Во мракѣ притаясь чуть вѣемыхъ листовъ,

Когда жъ печальную и хладную часть года,
Юпитеръ отъ небесъ на землю низведетъ,
Преслѣдуетъ звѣрей различнаго онъ рода,
Со стаей псовъ, вокругъ разставленныхъ тѣнетъ: —
Вотще тогда бѣгутъ и заяцъ торопливой,
Стремящійся сокрыть въ излучинахъ свой слѣдъ,
Щетинистый кабанъ, и серна боязлива,
Пригнувшая рога на трепетный хребетъ!

Какъ весело домой съ добычей возвратиться!
Тамъ матерь нѣжная, любимая жена,

Передъ пылающимъ горниломъ суетится,
Малютки милыя толпятся вкругъ огня;
Умѣренность, обѣдъ приправивъ съ простотою,
Столъ кроютъ дѣдовскій съ старинною рѣзьбою,
И травы и плоды — садовъ домашнихъ даръ,
Медъ чистой и вино — посланье щедрыхъ Ларъ!

Тамъ лѣтнимъ вечеромъ его встрѣчаютъ взоры,
Какъ весело бѣгутъ, тѣснися межъ собой,
Овечки сытыя въ скрипящіе затворы,
Склоняся подъ ярмомъ дебелою главой,
Какъ медленно идутъ волы, оставя нивы,
И скачутъ, разметавъ кони златыя гривы!
Ни скука, ни тщета, ни скорбь, боязни дщерь,
Не входятъ никогда въ его простую дверь.

КЪ ЮНОСТИ.

Ты утекаешь невозвратно
О, время юности моей!
Какъ сна мечтаніе пріятно
Летитъ съ зарею отъ очей!
Зову тебя — судьба жестока
Не обращаетъ вспять потока,
Въ которомъ гибнетъ мигъ и вѣкъ;
Исчезло все, что̀ прежде льстило,
Затмилось дней моихъ свѣтило
И ранній сумракъ ихъ притекъ.

Гдѣ вы, забавы лѣтъ счастливыхъ,
Безпечность, радость и покой,
Гдѣ замыслы, мечты игривы,
Дары фантазіи благой?
Какою силою чудесной
Разрушенъ сталъ сей міръ прелестный,
Гдѣ зрѣлъ я доблести въ вѣнцахъ,
Любовь, манящую отрадой,
Фортуну, льстящую наградой,
И Правду въ солнечныхъ лучахъ!

Какъ въ мракѣ, путникомъ возженны,
Огни мелькаютъ средь степей,
Такъ призраки сіи мгновенны
Сокрылись отъ моихъ очей;
Исчезла Слава быстрокрыла,
Любовь въ отрадѣ измѣнила,
Вкругъ солнца Истины святой
Туманъ сомнѣнія развился —
И Опытъ весть меня явился
Тропой колючей, въ тмѣ густой!

Гдѣ прежде юность созидала
Великолѣпный храмъ честей,
Куда парить она мечтала
Дивиться благости людей —
Тамъ, вмѣсто доблести и чести,
Порока ликъ, рукою лести
Увѣнчанъ, въ блескѣ ей предсталъ.
Тамъ Опытъ показалъ ей строгій

Злодѣйства страшныя дороги:
Я ихъ узрѣвъ — вострепеталъ!

Съ улыбкой ты меня манила,
Любовь, мечта прелестныхъ дней!
Но взорамъ страстнымъ не открыла
Небесной красоты твоей;
Пора любить проходитъ тщетно,
Желанье гаснетъ непримѣтно,
И одинокая тоска
То ложе горькими слезами
Кропитъ, что̀ для тебя цвѣтами
Моя украсила рука.

Въ обманахъ, въ скорби и страданьѣ
Стремленій сердца жаръ потухъ,
Лишь благъ протекшихъ вспоминанье
Живитъ мой изнуренный духъ;
Лишь ты, сопутница благая,
Облекшись до могильна края
Идти со мною въ жизни сей —
Лишь ты ко мнѣ простерла руку,
Мнѣ услаждаешь скорбь и муку,
Отъ коихъ палъ бы я безъ ней!

О, Дружба, сердца услажденье!
Какія въ мірѣ семъ бѣды,
Какую горесть, иль мученье
Не усладишь собою ты?
Не ты ль источникъ благъ обильный,
Крѣпишь въ борьбѣ сердца безсильны?

Чтó рокъ бы намъ ни присудилъ —
Съ тобой и слабый бодръ творится;
Судебъ гоненья не страшится:
Твой щитъ ихъ стрѣлы притупилъ!

И вы, которые столь нѣжно
Храните дружескій союзъ,
Одно богатство здѣсь надежно,
О наслажденья чистыхъ Музъ!
Восторгъ вашъ, непорочность, силу,
Вливайте въ грудь мою унылу,
Гоните горесть и тоску
Прелестныхъ вашихъ струнъ игрою —
Да съ бодрой я еще душою
Путь краткій къ гробу протеку.

КЪ СИЛЬВІИ.

Ты ль, Сильвія, мой духъ-хранитель,
Луны трепещищимъ лучемъ,
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня тревожишь въ снѣ моемъ?

Ты ль, образъ красоты безплотной,
Мечтанье ли души моей,
Или, возставъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣстникъ радости для ней?

Ты ль, съ утренней звѣздой Востока,
По небу тихому течешь,
И отлученнаго далеко
Къ себѣ сопутника зовешь?

Носись невидимою тѣнью,
Являйся въ темнотѣ ночей,
Не къ страху друга, къ утѣшенью
Бесѣдуй съ скорбію моей!

Умѣрь тоски его терзанье,
Томленье сирыя любви,
Пролей надежду на свиданье
И вѣры пламень оживи!

Твой видъ, съ его слiянный духомъ,
Пусть всюду онъ несетъ съ собой;
Вездѣ пусть ловитъ жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ твой.

Носись надъ спящими водами,
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вставай съ луною за холмами,
Смотри съ зарей сквозь частый лѣсъ!

Живи въ моей мечтѣ отрадной,
Летай надъ мною въ тихомъ снѣ;
Не дай тоскѣ гнѣздиться гладной
И скорби ропота во мнѣ!

КЪ ЛИЛѢ.

Что ты печальна, милая Лила,
Въ скуки, въ безмолвьи горькомъ сидишь,
Къ персямъ прелестны очи склонила
И по ланитамъ слёзы струишь?

Болѣе сердца не восхищаешь
Ангельскимъ гласомъ пѣсни твоей,
Тихо поникнувъ, все воздыхаешь,
Кроешься даже взора друзей!

Гряды любимы зрю безъ призора,
Арфу покрыту вижу въ пыли;
Вмѣстѣ ль съ цвѣтами, Лила, такъ скоро
Вянуть печально намъ на земли?

Вѣрнаго ль друга скрыла могила:
Воли небесной не премѣнишь;
Въ злобѣ ль покинулъ? — плачь, плачь, о Лила!
Раны толь лютой не исцѣлишь!

ДОГОВОРЪ СО СМЕРТІЮ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Такъ, други, умереть намъ должно,
Въ концѣ ль, въ началѣ нашихъ дней,

Предвидѣть смерти не возможно,
Ни защитить себя отъ ней.
Примите жъ мой совѣтъ нелестный,
Да каждый думаетъ изъ васъ,
Какъ въ путь сбираться неизвѣстный
И быть готовымъ каждый часъ.
Что до меня — то я, не ложно
Спокойный къ ней склоняю взоръ,
И былъ бы радъ, когда бъ возможно
Вступить съ ней даже въ договоръ.
О, смерть! разяща безъ разбора,
Такъ сталъ бы я ее молить,
Отсрочь, не приходи ты скоро
Мой тѣсный уголъ навѣстить;
Мнѣ двадцать лѣтъ — немногимъ болѣ,
Дай столько же еще желать;
А тамъ въ твоей ужъ будетъ волѣ;
Но ранѣ тяжко умирать.
Какая честолюбью пища
Оставить только по себѣ,
Что на краю прочтутъ кладбища:
Молитесь о его судьбѣ!
Нѣтъ, смерть! мнѣ жизнь еще не бремя;
Пусть поживу на свѣтѣ я;
Къ тому жъ у насъ военно время!
Тебѣ дѣлъ бездна безъ меня!
Лишь двадцать лѣтъ прошу — и точно,
Минуты болѣ ни одной,
Готовъ я буду безотсрочно,
И съ благодарною душой,
Тогда твоей предамся власти

Благословляя свой предѣлъ,
Увы, возьмутъ на равны части
Любовь и дружба сей удѣлъ!
За то, ни одного упрека
Даю обѣтъ не допустить,
И, сколько твердость человѣка
Намъ дозволяетъ, твердымъ быть;
Не возмутитъ мольба, роптанье,
Мои послѣдніе часы,
Все, что узришь при разставаньѣ:
Лишь пара словъ — и двѣ слезы!
Еще .... о будь мнѣ благосклонна!
Какъ роковой ударитъ мигъ
И устремишься, непреклонна,
Похитить свѣтъ отъ глазъ моихъ,
Предвѣстника изъ страшной свиты
Не шли къ мучительной борьбѣ;
На то чертоги знамениты,
Пусть тамъ доложатъ о тебѣ;
Ко мнѣ жъ, увидя входъ нескрытый,
Посломъ не возвѣщай приходъ,
Я самъ, хозяинъ старобытный,
Съ тобою встрѣчусь у воротъ;
Другъ другу мы — поклонъ учтиво!
Не будетъ спора между насъ;
Вопросъ, отвѣтъ, все торопливо:
Готовы ль вы? готовъ сейчасъ.
Минутъ послѣднихъ я не множа,
На свѣтъ прелестный погляжу,
И мигомъ, мягкое отъ ложа,
Возглавье въ гробъ переложу;

Вотъ всё, иль нѣтъ! еще два слова:
Къ чему ужасный сей нарядъ,
Причуда варварства сурова,
И этотъ крепъ? и сей обрядъ?
Къ чему коса? и пожелтѣлый
Сквозной, гремящій твой скелетъ?
Ты омрачишь мой путь веселый,
А мнѣ другой не страшенъ свѣтъ!
Нѣтъ, смерть, ты въ радужной одеждѣ,
Какъ ангелъ благости явись,
Вели впередъ идти *надеждѣ*,
Сама жъ *за вѣру* придержись!
И путь къ могилѣ мнѣ цвѣтами,
Не кипарисомъ устели;
Вы жъ, други, братскими руками,
По горсти матери-земли!
И гимны въ память, коль угодно,
Но прочь гоните плачъ и стонъ,
Приличнѣй пиршество надгробно
Намѣсто мрачныхъ похоронъ;
Сберитесь всѣ — и безъ печали,
Тогда на мой вы бросьте прахъ,
Тѣ юны розы, что̀ вѣнчали
При васъ чело мое въ пирахъ!

КЪ МОЕМУ РАЗСУДКУ.

(САТИРА ТРЕТІЯ.)

Смирись, разсудокъ мой! къ чему такое рвенье?
Сатира для людей худое наставленье.
Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушить связь, нажить себѣ враговъ:
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный
Есть язва общества, умъ вредный и опасный;
Бѣги, его, страшись; для остраго словца
Въ сатирѣ уязвитъ онъ матерь и отца!
И тѣ, которые слывутъ тебѣ друзьями
И смѣлыми, подчасъ, плѣняются стихами,
Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,
Смѣяся вслухъ надъ нимъ, а тихо надъ тобой,
Къ толпѣ твоихъ враговъ тотчасъ передадутся
И дружества съ тобой подъ клятвой отрекутся;
Сатира, въ коей желчь и злоба лишь видна,
Безъ пользы для другихъ писателю вредна;
Исправишь ли порокъ насмѣшкою одною?
Стихи ль подѣйствуютъ надъ звѣрскою душою?
Напрасно! всѣ труды останутся вотще,
Такія чудеса неслыханы еще.
Ты будешь обличать *Грабилина* злодѣйства,
Имъ разоренныя показывать семейства:
Явишься ль въ общество осмѣивать порокъ,
Иль юности давать спасительный урокъ,
Бранить невѣжество, пустую знатность рода,

Что жъ будетъ? всѣ тебя въ немъ примутъ за
урода,
Который должнаго почтенья не хранитъ
И смѣло знатному о чести говоритъ!
Писателей дурныхъ исправить ты желаешь:
Вотъ цѣль премудрая! какъ-будто выставляешь
Себя лишь одного для нихъ ты образцомъ;
Въ сатирѣ, гдѣ едва смыслъ вяжется съ стихомъ,
Пришелъ — вскричатъ они — давать намъ на-
ставленья,
Какъ-будто бы писать нельзя ужъ безъ ученья!
Начнешь ли *Валдуя* порочить скучный бредъ:
Онъ добрый человѣкъ, услышишь ты въ отвѣтъ;
Кто право далъ тебѣ бранить его нещадно?
Всякъ воленъ здѣсь писать и складно и нескладно;
Простительно отцу лелѣять милыхъ чадъ;
Къ тому жъ ввели ль кого стихи его въ развратъ,
Не долговѣчныя творенія поэта,
Которыя гніютъ, не знавъ дневнаго свѣта?
Вралева упрекнешь, всѣ ахнутъ: Боже мой,
Что трудъ *Безмыслова* возноситъ онъ хвалой!
Чего же хочешь ты? вражды между друзьями,
Которые живутъ взаимными хвалами?
Оставь, оставь навѣкъ такое ремесло.
Пока оно тебѣ вреда не принесло;
Поэма вздорная, нелѣпо пѣснопѣнье
Герою и пѣвцу есть вмѣстѣ посрамленье!
Пусть тонетъ, пусть горитъ, въ незнаніи отъ
всѣхъ,
Сказавъ о ней, родишь лишь жалость, а не смѣхъ;
Печатный всякій вздоръ исчезнетъ самъ собою:

Его ли воскресить осмѣлишься хулою?
Театра нашего и слава нашихъ дней:
Сумбека, *Радамистъ*, *Электра* и *Атрей*,
Довольно на себя враговъ вооружили:
Пыль, черви, сырость, мгла, войну имъ объявили!
И ты, на сцену вновь явившійся, *Эдипъ*,
Изъ нищаго — царемъ безжалостно погибъ,
Предтечу своего вотще затмить стремился,
Слѣпецъ Аѳинскій живъ — а *царь Эдипъ* сокрылся
При плескѣ зрителей высокаго райка!
Но можно ль сосчитать, упомнить, хоть слегка,
Трагедій, драмъ соборъ, трудъ цеха заказнова,
Которы погреблись въ подвалахъ Глазунова;
Пусть, клятвой отягчась расчетныхъ продавцовъ,
Скрываютъ тамъ себя и стыдъ своихъ твор-
цовъ, —
Нѣтъ, мало! для твоей обидной имъ забавы,
Ты отыскалъ, въ пыли валявшійся, *Храмъ Славы*,
Біона съ Мосхомъ вновь несчастный переводъ,
И Федру *Бавія*, и кучу разныхъ одъ,
Улику жалкую безсмылія, безумства;
Но мщенье ждетъ тебя за дерзость и кощунство!
Ужъ *Вздоркинъ* для тебя, по днямъ и по ночамъ,
Терзаетъ бѣдный умъ для жалкихъ эпиграммъ;
Ужъ вновь безсвязное посланіе готовитъ,
Въ которомъ очернитъ тебя и озлословитъ,
И, въ гибельномъ бреду, бумажный витязь сей,
Съ костра возопіетъ къ дружинѣ такъ своей: —
«Зачѣмъ мы, другъ, съ тобой на семъ кострѣ
палящемъ? —
«Я съ роду не писалъ ни *абіе* ни *аще*!

«Онъ врагъ мой, онъ злодѣй, въ посланіяхъ моихъ,
«Жестокій! обличилъ въ безсмыслы каждый стихъ,
«А ихъ хвалилъ и ты, хвалилъ мой благодѣтель,
«Самъ, въ радостныхъ слезахъ, я былъ тому свидѣтель;
«О! вѣчно я ему сей злобы не прощу,
«Иль *абіе* скорѣй въ стихи мои вмѣщу!»....
Такъ *Вздоркинъ* на тебя въ посланьи ополчится,
Проси его, иль нѣтъ, ужъ онъ не примирится,
Тисненію себя безжалостно предастъ;
Ты шепчешь: въ добрый часъ! не такъ-то онъ гораздъ;
Согласенъ въ томъ съ тобой; но развѣ не случалось,
Что даже *Балдусу* нерѣдко удавалось
Насмѣшкою платить насмѣшникамъ своимъ;
Не самъ ли онъ тебя подъ именемъ чужимъ
Недавно разбранилъ и съ другомъ поплатился,
Чтобъ глупость тотъ его назвать своей рѣшился.
Въ немногихъ сыщешь ты ума и остроты;
Во всѣхъ достанетъ силъ для подлой клеветы;
И брань ли требуетъ таланта здѣсь какова,
Коль льется намъ она съ пера и съ устъ *Злослова*?
Пусть *Балдусъ* не страшитъ, пускай его весь вѣкъ
Въ кропаніи стиховъ уродливыхъ протекъ,
Но *Бавій*, *Мевій*, *Фирсъ*, поющій доброгласно,
Но злобныхъ риѳмачей соборище ужасно!
Одинъ ужъ предъ тебя съ ругательствомъ предсталъ,
Торгашъ безсмыслицы и продавецъ похвалъ,

Который всѣхъ морнтъ, въ горячкѣ стихотворной
Журналомъ, виршами и прозою позорной:
Страшись, страшись толпы разсерженныхъ пѣв-
цовъ,
Ужъ громъ ихъ надъ тобой обрушиться готовъ.
Неистовый порокъ обиды не прощаетъ,
И гибельный конецъ злословье ожидаетъ! —
Но тише — ты въ отвѣтъ — и въ споръ со
мной идешь: —
Ты видъ злорѣчію совсѣмъ иной даешь;
Когда бы, напримѣръ, въ горячности безмѣрной,
Открылъ предъ свѣтомъ я тотъ путь неимовѣрной,
По коему достигъ *Рубеллій* до честей,
Сталъ властвовать людьми, рабъ низкій всѣхъ
страстей,
Когда бы гнусную сорвавъ съ него личину,
Я подлыхъ дѣлъ его открылъ хоть половину;
И, въ видѣ собственномъ, представивъ на позоръ,
Ужасный произнесъ надъ нимъ бы приговоръ;
Когда бы обличилъ я страшны злодѣянья,
Которы, въ поздніи минуты покаянья,
Ханжихинъ, устрашась и смертныхъ и боговъ,
Смиренно облачилъ въ монашескій покровъ;
Когда бы, позабывъ къ Прелестнымъ уваженье,
Всѣхъ тайнъ *Кокеткиной* я сдѣлалъ откровенье,
Иль жизнь *Распутина* порочить сталъ бы велухъ,
Какъ въ ветхой хижинѣ, храня онъ бодрый духъ,
И, мудрость съ ранними обрѣтши сѣдинами,
Насъ жалкими о ней смѣшитъ проповѣдями —
По праву бъ ты меня злорѣчивымъ назвалъ;
Но, чтобы надъ глупцомъ смѣяться я престалъ?

Чтобъ *Вадія* стихи внимая на мученье,
Я могъ выказывать въ лицѣ своемъ терпѣнье;
Чтобъ, стоя съ низостью предъ знатнымъ под-
лецомъ,
Престалъ бы соглашать я сердце съ языкомъ,
Иль, чтобъ въ кругу друзей, съ людьми иль межъ
стѣнами,
Бурруна, Бавія назвалъ бы я пѣвцами;
Чтобъ оды *Балдуса* читая не зѣвалъ,
Въ нихъ каждой бы строки съ досады не маралъ,
На жалкій переводъ Расина и Вольтера
Спокойно бы смотрѣлъ и хлопалъ изъ партера —
На это нѣтъ моей покорности къ тебѣ:
Я это повелѣть не въ силахъ самъ себѣ.
Предавши своему печатный вздоръ сужденью,
Мѣшаю ль отъ него купцовъ обогащенью?
Благодаря уму своихъ покупщиковъ,
Какъ Крезъ отъ глупыхъ книгъ разжился Гла-
зуновъ;
И въ чемъ же виненъ я, когда, за наказанье,
Купивши и прочтя *Безсмыслова* маранье,
Скажу, что лучше бъ онъ его не издавалъ —
Тогда его глупцомъ никто бы не назвалъ;
Полезный сей совѣтъ всякъ право дать имѣетъ
Тому, кто пишетъ вздоръ и вздоръ печатать
смѣетъ.
Пусть авторъ плачущій напишетъ пять страницъ,
Гдѣ проситъ милости, пощады, павши ницъ,
Не внемлетъ ничего читатель безпристрастный:
Стихи летятъ въ огонь — и гибнетъ трудъ не-
счастный!

Къ тому же въ силахъ ли сатирой я своей,
Хоть мало обратить на разумъ риѳмачей?
Я *Балдусу* твержу: ты не рожденъ поэтомъ;
Будь другомъ, будь отцомъ, полезенъ будь совѣ-
томъ,
Иль помощью другимъ; лишь кончу мой совѣтъ,
А *Балдусъ* за перо — и вновь полился бредъ,
И мнѣ жъ за доброе пріязни наставленье,
Несносные стихи читаютъ на мученье!
Я *Вздоркину* сто разъ стыдъ тяжкій предрекалъ,
Когда онъ въ свѣтъ свои посланья издавалъ;
А *Вздоркинъ*, что ни день, то басня, или ода,
А *Вздоркинъ*, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
О радость! о восторгъ! и я, и я Пиитъ!
Вотще предъ *Бавіемъ* всѣ силы истощаю
И къ смыслу здравому склонить его желаю;
Риѳмачъ неколебимъ — и съ каждою луной,
Насъ новою даритъ въ журналѣ чепухой;
Совѣтомъ оскорбясь, себѣ жъ къ стыду и сраму,
Смѣшную на меня пускаетъ эпиграмму;
И это ль ты во мнѣ злорѣчіемъ зовешь,
За это ли конца ужаснаго мнѣ ждешь?
Не мнѣ ли одолженъ тѣмъ *Балдусъ* многоплодный,
Что, можетъ быть, его прочтетъ потомокъ позд-
ный?
Безвѣстны имена: *Фирсъ*, *Мевій* и *Злословъ*,
Извѣстность обрѣтутъ цѣной моихъ стиховъ
И, можетъ быть, съ гудкомъ мой *Бавій*, вмѣсто
лиры,
По смерти разсмѣшитъ читателей сатиры!

За это ль на себя ихъ мщенье навлеку,
Что я имъ лишній годъ прибавлю на вѣку?
Но, Муза! замолчимъ, покорствовать умѣя,
До перваго глупца — и перваго злодѣя!

НОЧЬ НА МОГИЛѢ ДРУГА.

Солнце сѣло — сумракъ лѣтній
Увлажилъ собой поля,
Я спѣшилъ подъ дубъ столѣтній
Слушать пѣсни соловья:
Громко въ воздухѣ душистомъ
Разливалъ любви восторгъ,
И въ раскатахъ, съ звонкимъ свистомъ,
Утомясь, пѣвецъ умолкъ.

Все вкушало сна отраду,
Тишина въ поля сошла
И, среди небесъ, лампаду
Блѣдна Цинтія зажгла;
По лазури распестрился
Звѣздъ горящихъ милліонъ,
Сребровидный отразился
Токъ падущихъ съ шумомъ волнъ...

Спитъ счастливецъ, усыпленный
Сладострастія рукой,
Спитъ страдалецъ изнуренный,
Раздѣля свой одръ съ тоской,

Легки призраки спустились —
Бѣдный узникъ усыплёнъ,
Цѣпи розами увились,
Гласъ свободы слышитъ онъ!

О, безцѣнный даръ природы,
Силъ податель, сладкій сонъ,
Жертва скорби, въ юны годы!
Я одинъ тебя лишенъ!
Звукомъ горестной цѣвницы,
Близъ твоей, почившій другъ,
Мхомъ поросшія гробницы
Услаждаю скорбный духъ.

Сколь блаженъ, тебѣ подобно,
Кто навѣкъ почилъ отъ золъ,
И отъ странствія безплодна
Пристань вѣрную нашелъ;
Во твоей могилѣ тѣсной
Воздыханья, плача нѣтъ,
Нѣтъ тоски, со мной всемѣстной,
Лютыхъ горестей и бѣдъ.

Ни ужасный страсти пламень,
Ни борьба съ самимъ собой,
Ты недвижимъ, тихъ какъ камень,
Водруженный надъ тобой!
Ни судебъ, ни смертныхъ злобѣ
Не подвластна персть твоя;
Ахъ, почто съ тобой во гробѣ
Не сокрылся вмѣстѣ я!

Дона на брегу высокомъ,
Средь обители отцовъ,
Я лежалъ бы въ снѣ глубокомъ
Близъ священныхъ ихъ гробовъ —
Ликъ увядшій, тихій, блѣдный,
И къ груди прижатый крестъ
Скоро ль, скоро ль, странникъ бѣдный,
У родимыхъ будешь мѣстъ?

УНЫНІЕ.

Люблю въ душѣ моей уныніе питать.
Природа всякій часъ готова намъ внимать;
Наставникъ истинный — товарищъ драгоцѣнный!
Но болѣе всего люблю тотъ часъ священный,
Какъ гаснетъ въ облакахъ, прощаясь съ міромъ
день,
Какъ длинная съ холмовъ въ долины ляжетъ тѣнь,
Полдневныхъ шумъ работъ умолкнетъ постепенно
И пѣніе пѣвцовъ слабѣетъ отдаленно,
Скрываются цвѣты, чернѣютъ зыби водъ,
Какъ свѣта царь, скончавъ торжественный свой
ходъ,
Померкшее чело скрываетъ за туманомъ —
И теплится заря на Западѣ багрянымъ.
Тогда мечтается, съ прохладнымъ вѣтеркомъ,
Молчаніе летитъ подъ маковымъ вѣнкомъ,
Другъ ночи, и о ней желанный возвѣститель!

Ты миръ и сонъ ведешь оратая въ обитель.
Часъ вечера въ поляхъ — печальный жизни видъ!
Струя сокрытыхъ водъ вокругъ меня журчитъ
И ароматъ съ цвѣтовъ невидимыхъ восходитъ;
Тогда во глубину свою мой духъ нисходитъ:
Спятъ чувства — и мечта его оживлена!
Пареніямъ ея вселенная тѣсна.
Сюда питать ее, подъ наклоненной ивой,
Сажусь — и углубленъ въ бесѣдѣ молчаливой —
Сюда — унынія и мудрости друзья!
Ликъ мѣсяца блеснулъ на зеркалѣ ручья!
Предъ мною храмъ села, въ очахъ моихъ клад-
бище,
Отшедшихъ отъ земли пустынное жилище,
Не бронза, не гранитъ — вѣщатели похвалъ!
Полуобрушенный, покрытый дерномъ валъ,
Заросшихъ рядъ могилъ, гдѣ мохъ лишь восѣ-
дѣвшій
На камняхъ гробовыхъ, иль вновь зазеленѣвшій,
Почившихъ время сна являетъ для очей;
Здѣсь пепелъ ихъ свѣжитъ извивистый ручей,
Какъ братья, какъ друзья, гробъ вмѣстѣ, стар-
ца, млада,
Ихъ персти не дѣлитъ желѣзная ограда!
При нихъ взоръ странника стремится отдохнуть,
О, братья, вмѣстѣ течь и вмѣстѣ кончить путь!
О тлѣнности мечта здѣсь духъ мой посѣщаетъ,
Шагъ каждый мой себѣ подобныхъ попираетъ,
Изъ праха нашего составилась земля.
А тамъ, гдѣ день и ночь, гремитъ Творцу хвала,
Въ природной простотѣ ума не озаренна,

Не хитростью его, а чувствомъ сплетенна,
Гдѣ, мнится, самъ Отецъ внимаетъ чадъ своихъ,
Вселяетъ въ злобныхъ страхъ и милуетъ благихъ,
Гдѣ древность на стѣнахъ, сѣкирой твердой стали,
Неизгладимыя означила скрижали —
Въ семъ храмѣ — мысль моя со трепетомъ паритъ,
Приникши къ алтарямъ, поющи лики зритъ,
Духъ вѣрою — мольбой ланиты воспаленны,
Уста несущи пѣснь — и очи умиленны:
Тамъ молится, предстать готовясь предъ судомъ
Раскаянье, къ землѣ приникшее челомъ,
Въ потокѣ слезъ свое срѣтаетъ искупленье;
Благословляя тамъ отъ міра удаленье,
Согбенный лѣтами, подъ бременемъ скорбей,
Желая ускорить кончиною своей,
Домъ тѣсный труженикъ себѣ уготовляетъ,
Не конченъ зрится трудъ.... а старецъ истлѣваетъ!...
Сюда, въ часъ осени, стекайтеся друзья!
Какъ съ шорохомъ листовъ смѣсится шумъ ручья,
И токъ, разсвирѣпѣвъ, въ расширенномъ стремленьѣ,
Къ окрестнымъ понесетъ жилищамъ потопленье,
Какъ вѣтеръ восшумитъ внезапный гость лѣсовъ,
И обнажитъ верхи дряхлѣющихъ дубовъ,
Когда отцвѣтшія дубравы и долины
Представятъ взорамъ видъ печальныя картины,
И вы не встрѣтите въ зерцалѣ мутныхъ водъ,

Ни утра зарево, ни неба ясный сводъ,
Фебъ скроется, узрѣвъ природы разрушенье
И, въ скорби, сократитъ для ней свое теченье,
Когда она, сорвавъ красотъ своихъ вѣнецъ,
Сама — какъ старица срѣтающа конецъ —
Тогда, мои друзья, въ сей мрачный лѣсъ вступайте;
Свой собственный закатъ всеобщимъ услаждайте,
Смерть менѣе страшна, коль думаемъ о ней.
Сидящимъ вамъ въ мечтахъ, быть можетъ, вѣстникъ сей,
На мшистой высотѣ повременно звучащій,
Которымъ говоритъ намъ мигъ, отъ насъ летящій,
Моленья скажетъ часъ... во храмѣ огнь блеснетъ,
Всякъ къ мѣсту, въ немъ себѣ избранному, придетъ:
Торжественъ часъ хвалы Предвѣчному несомый!
Быть можетъ, окруживъ почившихъ тѣсны домы,
Благословенія на прахъ ихъ притекутъ,
Моленіе и скорбь свой тихій гимнъ сольютъ,
И взыдетъ ѳиміамъ надъ дремлющимъ въ покоѣ...
Тамъ вѣры чувствуйте величіе простое!
Или, всю скорбь въ себѣ стремитеся вмѣстить,
Всю силу ближняго несчастіе дѣлить,
Когда, сквозь частый кровъ, составленный вѣтвями,
Съ блѣднѣющимъ челомъ, съ померкшими очами,
Съ власами, падшими въ небрежности на грудь,
Вы узрите красу, таящу робкій путь
Къ могилѣ, гдѣ ея отрада заключенна:

Духъ скорбью услажденъ, грудь плачемъ облегченна!
Склонясь на мшистый крестъ задумчивымъ челомъ,
Унынія она вамъ будетъ Божествомъ,

КЪ ПАТРІОТАМЪ.

Писано въ 1812 году, по занятіи Французами Смоленска.

Цари въ плѣну, въ цѣпяхъ народы!
Часъ рабства, гибели приспѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы, сыны свободы?
Иль нѣтъ мечей и острыхъ стрѣлъ?
Иль мужество въ груди остыло,
И мстить желѣзо позабыло?
Въ Россіи врагъ.... и спитъ нашъ громъ!
Почто не въ бой? онъ намъ ли страшенъ? —
Уже верхи смоленскихъ башенъ
Віются пламеннымъ столбомъ!

Се вѣстникъ кары — вражьей траты:
Ихъ кровь жаръ мести утолитъ!
Къ мечамъ! впередъ! блаженъ трикраты
Кто первый смертью упредитъ!
Развѣйтесь знамена побѣдны,
Героевъ — предковъ даръ наслѣдный!
За ихъ могилы биться намъ!

На гибель злымъ и малодушнымъ,
Самъ браней Богъ, вождемъ воздушнымъ,
Летитъ святымъ симъ знаменамъ!

Ихъ Слава нарекла своими —
И носимъ имя мы Славянъ!
Впередъ, рядами — вмѣстѣ съ ними,
Перуномъ грянемъ въ вражій станъ!
Сразимъ, иль всякъ костями ляжетъ,
И гробный холмъ потомству скажетъ:
Здѣсь скрытъ безтрепетныхъ соборъ,
И скажутъ вѣки и стихіи:
Онъ славу защищалъ Россіи
И мстилъ вселенныя позоръ!

Стыдомъ, проклятіемъ покрытый,
Сей царь земли, сей богъ побѣдъ,
Въ ровъ гибели для насъ изрытый,
Съ высотъ честей своихъ падетъ!
Не сонмъ наемниковъ иль плѣнныхъ,
Къ алчбѣ, корысти устремленныхъ,
Предателей страны своей,
Которы въ страхѣ рабскомъ пали,
Въ добычу все врагамъ отдали —
И прахъ отеческихъ костей!

Онъ встрѣтитъ въ насъ героевъ Славы,
Извѣстныхъ свѣту Россіянъ,
Спасавшихъ чуждыя державы
Которыхъ суша, океанъ
Въ побѣдахъ громкихъ созерцали,

Которыхъ царства трепетали,
Кого дрожалъ и храбрый Шведъ,
И Пруссъ, и Галлъ непостоянный,
Самъ вождь его, въ бояхъ вѣнчанный,
И спящій въ гробѣ Магомедъ!

Возстань героевъ русскихъ сила,
Кого и гдѣ, въ какихъ бояхъ
Твоя десница не разила?
Днесь брань встаетъ въ родныхъ поляхъ —
Гдѣ персть, древа и камни хладны,
Возжгутъ твой духъ, ко славѣ жадный!
Одинъ, одинъ врагу ударъ —
И вся Европа отомстится:
Здѣсь Бельтъ отъ крови задымится,
А тамъ — вспылаетъ Гибралтаръ!

НА ПЛЯСКУ Д....

ВЪ ОДНОМЪ ПРЕВОСХОДНОМЪ БАЛЕТѢ.

Волшебствъ и красоты съ незнаемаго міра,
Не Фея ль, отдѣлясь, предстала предо мной,
Иль Флора рѣзваго любимица Зефира,
На злачныя поля слетающа весной?
Иль, Нимфа свѣтлыхъ водъ, прелестна Данаида,
За коею бѣжитъ въ восторгѣ Аполлонъ?
Иль юная сама, любови мать, Киприда,

Эѳирозвѣздяный имѣюща хитонъ?
Съ сей чудной быстротой, съ сей легкостью
небесной,
Съ простыми смертными летаетъ предо мной,
Движеньемъ правитъ хоръ гармоніи чудесной,
И игры, прелести, вокругъ ея толпой!
То съ нею въ быстротѣ чуть видимой кружатся,
То вдругъ, свершивши быстрый кругъ,
Съ лилейною рукой воздѣты устремятся,
Прильнутъ къ устамъ, къ груди.... съ стопами
вьются вдругъ!
Она при громѣ струнъ, во гнѣвѣ и прещеньи,
Богини предо мной являетъ грозный видъ,
И въ выразительномъ, протяжномъ изступленьи,
О нѣжности любви съ улыбкою твердитъ! —
О, если бъ я возмогъ, твоимъ владѣя даромъ,
Очарованье лить, какъ ты, вокругъ себя,
Съ какимъ бы сладостнымъ, кипящимъ въ сердцѣ
жаромъ,
О, дѣва юная! прославилъ я тебя! —

НА ЕЯ ЖЪ СКОРОПОСТИЖНУЮ СМЕРТЬ.

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной,
Вчера твои красы срѣтали жадны взоры,
Обвороженные чудесной быстротой;
Зефира легкаго и прелесть и движенье,

Цвѣтъ нѣжныя весны, сокрывшійся навѣкъ,
Вчера срѣтала ты мой плескъ и удивленье;
Сегодня . . . . встрѣтить гробъ я ранній твой
притекъ!

Когда средь сонма Сильфъ и рѣзвыхъ Ореадъ
Дивился твоему искусству несравнену,
Мечталъ ли, что тебя, весельемъ окриленну,
На утро окуетъ внезапный смерти хладъ?
При взглядѣ на тебя, средь сладкаго томленья,
Мечталъ ли, чтобъ красы расцвѣтшія твои,
Утративъ и хвалу и таинства свои,
Столь рано потреблись въ обители истлѣнья?

О, Дѣва! можетъ быть, въ незнаньи сей же
часъ,
(Сокрытъ кончины мигъ) и я, тебѣ подобно,
У праха твоего изрекши стихъ сей скорбно,
Услышу и меня зовущій смерти гласъ!

НА СВИДАНІЕ СЪ А....

КОТОРЫЙ, ПОСЛѢ ЖЕСТОКИХЪ РАНЪ ПОДЪ БОРОДИНЫМЪ, ДОЛГО СЧИТАЛСЯ УБИТЫМЪ.

—

О воинъ — другъ! съ кровавой сѣчи
Ты предо мной! ты пощаженъ!
Восторгъ нечаянныя встрѣчи!
Но ахъ, какъ много стоитъ онъ!
Ты въ язвахъ весь: рука, ланита, —

И грудь, геройствомъ знаменита,
На бранныхъ дышетъ костыляхъ....
О, жертва славы въ юныхъ дняхъ!
Еще въ объятья, другъ безцѣнный,
Ты живъ — и дружба предъ тобой!
Она твой спутникъ неизмѣнный,
Пускай услышитъ голосъ твой —
Воспомни страшны ей минуты,
Какъ полчища ворвались люты
Въ отчизну пагубной рѣкой —
Про ужасъ битвы — пораженья —
Какъ міру лучъ блеснулъ спасенья —
Вѣщай про *Бородинской* бой!
Участникъ въ избавленьи свѣта,
Скажи: какъ въ утренній туманъ,
Съ лучемъ мерцающимъ разсвѣта
Враги ударили въ вашъ станъ;
Какъ ты леталъ, впреди и съ тыла,
Съ мечемъ, который изострила
Святая къ родинѣ любовь;
Какъ тихла брань, ярилась вновь;
Какъ зрѣлъ ты въ мглѣ, сквозь паръ кровавой,
Передъ собой побѣду съ славой,
И лица блѣдныя враговъ! . . .
Представь - пусть дружба ободрится —
Тотъ мигъ, какъ злобнымъ остріемъ
Лице геройское багрится
И длань пронзается свинцомъ;
Какъ ты, къ отчизнѣ полнъ любови,
Безчувственъ ставъ къ текущей крови,

Вождя — начальника органъ (*
И тутъ, и тамъ, о витязь дивный!
Какъ вихрь разносишься пустынный
И движешь брани океанъ;
Какъ, наконецъ, ядромъ поверженъ,
Въ пыли, въ отчаяньи, въ плѣну,
Единой мыслью: врагъ низверженъ!
Живишь со смертію борьбу;
Вѣщай, какъ изнуренъ и гладенъ —
Къ подробностямъ слухъ дружбы жаденъ —
Часы въ страданіи влача,
Покрытъ ужъ смерти пеленою,
Жизнь страшной искупалъ цѣною
Подъ хитрой сталію врача! ....
    Представь — да духъ мой восхищенный,
Сію къ отечеству любовь,
И подвиги твои священны,
Забыту лиру строя вновь,
Предастъ въ другое поколѣнье!
Героевъ храбрыхъ и царей
Даритъ безсмертьемъ пѣснопѣнье.
Ты счастливъ въ участи твоей,
Ты въ мракѣ не сойдешь въ могилу,
Какъ здѣсь и въ гробѣ живъ равно,
Пока въ сердцахъ имѣетъ силу
Святый глаголъ: *Бородино*!

---

*) Онъ былъ адъютантомъ.

ПРИДОНСКІЙ КЛЮЧЪ.

Въ тѣни дубравы токъ віющій,
О, сынъ вѣнчанныхъ мохомъ скалъ!
Со ребръ ихъ въ Донъ ліющій
Свой пѣнистый кристаллъ!

Къ тебѣ, Придонскій Ключъ цѣлящій,
Близъ коего отшельникъ жилъ,
И твой потокъ журчащій
Изъ камня источилъ —

Иду въ часы полднева зноя,
Свѣжа палиму жаромъ грудь,
Средь нѣги и покоя
При шумѣ отдохнуть;

Или, въ часъ вечера сумрачный
Какъ, пробираясь сквозь тростникъ,
Луна въ твой токъ прозрачный
Свой опускаетъ ликъ;

И въ тму глубокую полнощи,
Какъ черны призраки ея,
Изъ ближней вышедъ рощи,
Обстанутъ вкругъ тебя —

Твой шумъ въ молчаніи внимаютъ,
Не движась съ высоты скалы,
И тѣни упадаютъ
Далеки по земли;

Какъ, наклонясь, въ тебѣ глядится
Чело угрюмое холма,
И съ трепетомъ дробится
У ногъ его волна;

О Ключъ! святыней источенный,
Пробившій влагою песокъ,
Тобою привлеченный,
Я славлю твой истокъ.

Да въ вѣкъ твоя святится сила
И живоносныя струи,
Вѣчно біюща жила
Питающей земли!

ЭЛЬВИРИНО ПОЗДРАВЛЕНІЕ

САМОЙ СЕБЯ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

Всѣмъ новое счастье готовитъ судьба;
Что хочешь Эльвира? какое моленье
Твой ангелъ-хранитель возьметъ отъ тебя?
Вся юности прелесть въ одномъ наслажденьѣ;
Веселья ли просишь? — нѣтъ, радость навѣкъ
Сокрылась отъ сердца для скорби рожденна;
Мой возрастъ счастливый безъ счастья протекъ!
Я прежде взывала: и мнѣ обреченна,
Быть можетъ, настанетъ веселья чреда,

Быть можетъ, промчится съ годами страданье —
Теперь не спознаюсь я съ ней никогда,
Теперь не дружится съ тоской упованье!
О другѣ ль въ моленьи ты скорбномъ взываешь,
Семъ благѣ единомъ для нѣжной души?
О немъ ли ты къ Небу съ слезами вѣщаешь:
О Небо, молитву Эльвиры внуши! —
Нѣтъ, другъ — даръ ужасный! судебъ испытанье!
Навѣкъ сопряжемся въ минуты любви,
Всѣ сладости рая въ душевномъ слiяньѣ
И радостный трепетъ ощутимъ въ груди;
Но чтожъ чрезъ минуту? — гдѣ спутникъ? гдѣ милый?
Одни, отчужденны, надъ свѣжей могилой,
И блѣдны ланиты палимы слезой!
И вздохи восторга въ рыданье вмѣнились!
На небѣ ужасной, внезапной грозой
Мечты и надежды всѣ вдругъ истребились! —
Что жъ сердцу осталось? о чемъ предъ судьбою
Ты молишь съ душою увядшей твоей? —
Терпѣнья и смерти взываю отъ ней.
О, если ты можешь тронуться мольбою,
Безвѣстная въ мракѣ грозящемъ судьба,
Услыши просящей Эльвиры моленье:
Пусть въ сердцѣ утихнетъ съ тоскою борьба,
Слезящее око отри на мгновенье
И послѣ навѣки сномъ смерти смежи;
Дай сердцу минуту протекшей отрады,
И послѣ навѣки его сокруши:

Вотъ все для Эльвиры! вотъ все что ей надо;
Надежду и счастье минуты одной —
И послѣ навѣки ее успокой!

Когда же за гробомъ лучъ новый прогля-
нетъ,
И духъ воскрилится къ отчизнѣ своей,
Тогда для Эльвиры годъ новый настанетъ,
Тогда грудь Эльвиры забейся сильнѣй,
Лей слезы отрады нетлѣнное око,
И вѣчною сердце любовью пылай,
Любовь, не страшися ни смертныхъ, ни рока,
Безропотный голосъ въ восторгѣ взывай:
Я вѣчно съ тобою, другъ сердца избранный! —
Но гдѣ же, Эльвира, гдѣ часъ сей желанный?

КЪ КОЛЫБЕЛИ СИРОТКИ.

Успокойся, мой дружочекъ,
Перестань меня терзать,
Хоть на часъ, одинъ часочекъ
Дай тебя мнѣ не слыхать.

Подъ судьбы завѣсой темной,
Въ колыбели скрытыхъ бѣдъ,
Дланью движимый наемной,
Ты съ тоской глядишь на свѣтъ;

Вопль твой: мать! ея объятій!
Мать похищена судьбой,
Ни отца, ни нѣжныхъ братій
Не увидишь предъ собой!

О, малютка! прочь сей нѣжный
Раздирающій твой взоръ;
Въ немъ начертанъ неизбѣжный
Провидѣнію укоръ.

То повернется, то стонетъ,
Какъ бы въ грусти говоря:
Ахъ! кого на свѣтѣ тронетъ
Безпріютна жизнь моя!

Такъ, мой другъ, коль не увянешь,
Съ лаской встрѣтишь всѣхъ людей;
Но отъ нихъ учиться станешь
Все скрывать въ душѣ своей.

Жизни путь — есть путь страданья....
Но твой вопль терзаетъ слухъ
И приводитъ въ содроганье
Мой привыкшій къ скорби духъ!

Мы здѣсь въ мірѣ — Царь любови!
Для твоихъ живемъ небесъ;
Я не зрю въ немъ столько крови,
Сколько зрю его я слезъ!

КЪ СЕСТРѢ МОЕЙ.

—

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужъ много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твой другъ осиротѣлъ;
Не услажденны сердца муки,
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой нечаянный приходъ,
И на лицѣ моемъ примѣтишь,
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужъ много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ,
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!
Мечты сокрылися отрадны,
Ихъ грозный опытъ отогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ! . . . .
Когда наступитъ часъ желанный,
И я, въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный,
Прижмуся къ сердцу твоему?
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ тяжкихъ дней,

Какъ я, съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ —
И — услажденъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ!
О, другъ мой! счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой,
Уже въ пріятномъ чувствъ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой,
То мнится мнѣ, обвороженный,
Съ тобой по рощамъ я брожу,
Вѣщаю — и въ душѣ блаженной,
Восторга словъ не нахожу
То, въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
Вѣдомый дружбой и тобой,
Иду, въ задумчивомъ молчаньи,
На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далеко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ!....
Но гаснетъ ужъ заря на Югѣ,
Въ туманѣ кроются лѣса,
И поселянъ, поющихъ въ кругѣ,
Вдали слабѣютъ голоса;
Мы тихою идемъ стопою,
Простясь до утреннихъ часовъ
И, провождаемы луною,
Въ свой мирный достигаемъ кровъ;
Съ ея отрадными лучами
Нисходятъ благотворны сны....
Уже, разставшись съ суетами,

Я сплю на ложѣ тишины!
Часъ утра! о восторгъ всегдашній!
О немъ, крылами бья, гласитъ
Встревожась, пѣтелъ мнѣ домашній,
И сонъ отъ глазъ моихъ летитъ!
Подъ перлами росы блестящій
Открытъ предъ мной зеленый лугъ,
И рогъ звучитъ, стада будящій,
И волъ взревѣлъ, впряженный въ плугъ!
Любовь твоя своимъ привѣтомъ
Идетъ меня предупредить....
Я съ бурнымъ распростился свѣтомъ!
Даю зарокъ для дружбы жить!
Но что! — твой призракъ удалился,
За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:
Къ землѣ печальный взоръ склонился —
И я опять одинъ съ тоской!
Томлюсь, Фортуны рабъ слѣпыя,
Безъ наслажденья трачу дни,
И блага промѣнялъ прямыя
На ложны призраки одни!
Мой другъ! счастливаго возврата,
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго Пената
Съ смиренной жертвою явлюсь!

МАТЬ-УБІЙЦА.

(Изъ Шиллера.)

—

Слышишь? бьетъ ужасный часъ!
Укрѣпитесь силы!
Вмѣстѣ къ смерти! ищутъ насъ
Бросить въ ровъ могилы!
Все исчезло: — Божій свѣтъ,
И небесъ отрада,
Для меня васъ болѣ нѣтъ —
Я добыча ада!

Ахъ, прости и свѣтлый день,
Взоровъ услажденье,
Сладострастна ночи тѣнь, —
Чувствъ обвороженье!
Блескъ отрадный вашъ погасъ,
О, мечты златыя!
Быстро скрылись вы отъ глазъ,
Радости земныя!

Я, въ убранствѣ юныхъ лѣтъ,
Веселясь красою,
Улыбалась здѣсь, какъ цвѣтъ,
На зарѣ весною!
Днесь во гробъ осуждена —
И покровъ кончины,
Блѣдный ликъ, гдѣ смерть видна,
Скрылъ до половины!

Лейте слёзы надо мной,
О, подруги милы!
Вы, кому даны съ красой
И душевны силы!
У жестокаго въ рукахъ,
Въ радости безпечной,
Въ милыхъ ядъ пила устахъ —
И погибла вѣчно!

Можетъ быть, теперь съ другой,
О, измѣнникъ лютый!
Какъ встрѣчаю я съ тоской
Смертныя минуты,
Пьетъ онъ радость и любовь,
Скорбь забывъ и страхи....
А моя здѣсь брызнетъ кровь
Высокò отъ плахи!....

Эдвинъ, Эдвинъ, за тобой
Пусть сей гласъ печальный,
Всюду слѣдуетъ сей вой,
Страшный, погребальный!....
Пусть всегда въ твоемъ умѣ
Смерть Луизы бѣдной,
И призракъ ея во тмѣ
Предъ тобою блѣдный!

Вѣроломный! страсти жаръ —
Ни цвѣтуща младость,
Ни залогъ любви — сей даръ,
Львовъ и тигровъ радость....

Все отвергнулъ! — на земли
Скорбь со мной оставивъ,
Ты летишь одинъ вдали
Паруса расправивъ!

А младенецъ? горькій плодъ!
Ахъ, почто явился?
Въ полномъ образѣ красотъ
Ликъ твой обновился:
Сердце матери мечтой
Сладкой оживилось;
Вдругъ отчаянье съ тоской
Въ немъ соединилось.

Гдѣ отецъ мой? — вопросилъ
Онъ ужаснымъ взоромъ —
Гдѣ супругъ твой? онъ грозилъ
Мнѣ нѣмымъ укоромъ —
О, невинность! горе намъ!
Онъ навѣкъ съ другою,
Глухъ къ стенаньямъ и мольбамъ,
Вѣчный стыдъ съ тобою!

Ахъ, и матерь? . . . . грозный адъ —
Тамъ ея обитель!
Страшенъ милый твой мнѣ взглядъ;
Муки возвѣститель!
Каждый смѣхъ твой на устахъ —
Есть мое страданье,
Каждый вопль твой — сердца страхъ
И души терзанье!

Адъ навѣкъ уже со мной!
Прочь твои лобзанья!
Вопли Фурій — голосъ твой —
Слышу ихъ воззванье;
Здѣсь, спѣшите, — вотъ онѣ!
Адскій сонмъ явился!
Ихъ огонь вспылалъ во мнѣ....
И кинжалъ вонзился!

Эдвинъ, Эдвинъ! за тобой
Тѣнь сія летаетъ;
Хладной пусть своей рукой
Грудь твою ласкаетъ!
Пусть ее послѣдній взглядъ
Ты повсюду встрѣтишь;
Взоры страшны; съ ними въ рядъ
Тѣнь мою примѣтишь!

Здѣсь, смотри, у ногъ упалъ,
Весь облитый кровью,
Будто къ матери припалъ
Съ дѣтскою любовью!
Слышу грозный гласъ судей:
Въ сердцѣ гласъ боязни;
Здѣсь, готова! смерть скорѣй!
Муки лютой казни!

Эдвинъ! милостивъ Творецъ —
И небесна сила
Казнь смягчаетъ злыхъ сердецъ:
Я тебя простила.

Все исчезнетъ! клятвъ обѣтъ
Поцѣлуевъ сладость
Лютый пламень все пожретъ;
Ужъ горитъ — о, радость!

Ахъ, не льститесь красотой
Дѣвы непорочны!
Красота — губитель мой,
И удѣлъ непрочный!
Путь ко плахѣ мнѣ скорѣй!
Часъ ударилъ, мститель!
Мать-убійца: не блѣднѣй
Казни исполнитель!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Я зрѣлъ: мои печальны лѣта
Сливались вѣчности съ рѣкой,
И дней моихъ, среди разсвѣта,
Клонился я на западъ мой;
Мнѣ гробъ ужасный отверзался;
Бѣжалъ отъ глазъ отрадный свѣтъ,
Вотще въ глубокой тмѣ старался
Я дней увядшихъ видѣть слѣдъ.

Твоя десница, Боже вѣчный!
Къ себѣ опять свой даръ беретъ,
И дни сей жизни скоротечной

Тобой сотканны мнѣ сѣчетъ;
Послѣднее мое свѣтило
Восходитъ въ горни высоты,
Твое дыханье отдѣлило
Меня живущихъ отъ среды.

Твоимъ дыханьемъ восхищенный,
Взношусь я отъ страны земной,
Какъ стебля своего лишенный,
Несется вѣтромъ листъ сухой;
Недугъ, какъ тигръ неукротимый,
Во мнѣ всѣ кости сокрушилъ;
Покой ниже на мигъ единый
Меня въ страданьи не живилъ;

Надежды болѣ лучъ не блещетъ;
Томлюсь я въ страхѣ и въ слезахъ,
Какъ ластовица, что̂ трепещетъ
У гладна ястреба въ когтяхъ;
Я жду кончины какъ отрады,
Какъ вожделѣннаго добра,
И плачемъ утомленны взгляды
Вращать не въ силахъ вкругъ одра.

Объятъ болѣзнію жестокой,
Я наступавшей ночи рекъ:
О, ночь! во тмѣ своей глубокой
Меня поглотишь ты навѣкъ;
Я къ восходящей рекъ денницѣ,
Когда отъ ней бѣжала тѣнь:

Увы! на свѣтлой колесницѣ
Ты мой ведешь послѣдній день!

Душа моя покрылась мракомъ,
И ужасъ сердце оковалъ,
Объятъ отчаяньемъ и страхомъ,
Впослѣдни къ Богу я воззвалъ:
Отъ края страшныя гробницы
Услыши, Господи, мой гласъ!
Ужасна месть Твоей десницы:
Пошли въ отраду смертный часъ!

Не презрѣлъ Онъ моленій слезныхъ,
Роптанье грѣшнаго пріялъ,
Коснулся краемъ ризъ чудесныхъ,
Отъ сердца муки отогналъ:
Онъ днямъ моимъ велѣлъ простерти
Еще далеко свой предѣлъ,
И въ ужасахъ грозящей смерти
Мнѣ жизнь отрадну зрѣть велѣлъ.

Твою, мой Богъ! пускай вселенна
На мнѣ чудесну благость зритъ;
Для казни правой устремленна,
Твоя десница жизнь даритъ;
Твоей щедроты въ прославленье,
Для памяти чудесъ Твоихъ,
Ты прибавляешь дней теченье
Минутныхъ странниковъ земныхъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мой Боже и Создатель,
Премудрость, благость безъ границъ!

Величья Твоего вѣщатель
Не ужасъ тлѣющихъ гробницъ;
Не смерть, что ихъ съ улыбкой злобной
Вокругъ разсѣянными зритъ;
Но персть, что̀ подъ доскою гробной
Къ Тебѣ надеждою горитъ;

Но тѣ, которые со мною,
Теперь отъ ней искуплены,
Изъ рода въ родъ своей хвалою
Тебя прославятъ ихъ сыны,
Твое владычество всемѣстно;
Я самъ пойду, всемощный Царь!
Возставленный Тобой чудесно,
Обнять священный Твой алтарь;

Я чистымъ устъ моихъ хваленьемъ,
Я пламенемъ души моей,
Сердца подвигну сокрушеньемъ
Забывшихъ о Тебѣ людей,
Тебя познать я ихъ заставлю,
Исполню ихъ Твоей хвалой,
Открою, вознесу, прославлю
Надъ нами промыслъ Твой благой!

НАДГРОБНАЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНѢ

ОТЪ ОСТАВШАГОСЯ МУЖА СЪ ОСИРОТѢЛЫМИ МЛАДЕНЦАМИ.

Другъ милый! нѣтъ тебя, ты въ сердцѣ лишь осталась!
Ни умъ, ни красота, ни крѣпость юныхъ лѣтъ,
Ни сердце ангеловъ, которымъ украшалась,
Ни сиротство дѣтей, узрѣвшихъ скорбный свѣтъ,
Отъ смерти лютыя тебя не защитили.
Съ тобой меня судьбы всѣхъ благъ моихъ лишили,
Осталось лишь одно: ихъ въ помощь призывать,
Кропя въ уныніи, въ тоскѣ твой прахъ слезами
Съ двумя несчастными твоими сиротами —
И ложемъ брачнымъ гробъ въ стенаньи называть.

ИДИЛЛІЯ.

О, Лила! блаженство дней юныхъ не вѣчно!
Какъ быстрый источникъ оно скоротечно;
Веселья не придетъ потерянный часъ;
Все тать сокровенный похититъ у насъ;
Расцвѣтшая роза чрезъ мигъ исчезаетъ,
Не долѣ у Лилы зефиръ лобызаетъ,
И лиліи персей, и розы ланитъ,
И въ страсти другъ сердца къ нимъ взоры стремитъ!
Мы такъ же, какъ роза, мгновенны бываемъ,
Не долѣе зрѣемъ — скорѣй отцвѣтаемъ!

Въ томленіи сердца, чуждаясь любви,
Мы лучшіе губимъ весенніе дни;
Съ вѣнкомъ увядаетъ чело, имъ увито;
Мы зримъ что̀ проходитъ — что̀ будетъ — сокрыто!

О, Лила! ужъ тѣни не ищетъ въ дубравѣ
Ни агнецъ, рѣзвяся въ невинной забавѣ,
Ни серна прохлады въ ущелинахъ горъ;
Съ днемъ каждымъ встрѣчаетъ утрату нашъ взоръ!
На мѣстѣ, гдѣ цвѣта видъ зрѣлся веселый,
Чрезъ мигъ, возвратившись, зрю стебль облетѣ-
лый,
Въ лѣса опустѣвши вновь придетъ весна, —
Но юность другая для насъ не дана!
Ни что не наполнитъ грудь въ скорби отцвѣтшу,
Ни что не воротитъ любовь отлетѣвшу!
О, Лила! доколѣ не все отцвѣло,
Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,
Власы распустивши, какъ розы душисты,
На полныя груди, на перси волнисты,
Прижмися, лилейной рукой оплетясь,
Ты къ другу, устами съ устами слѣпяясь:
Пусть духъ воспылаетъ, любовью объятый!
Пусть грозное время къ намъ мчится съ зака-
томъ —
И дни передъ нами какъ стрѣлы летятъ!
Любви наслажденья намъ все замѣнятъ;
Въ ней жизни вся сладость, въ ней счастье при-
роды,
Минута съ ней то же, что̀ цѣлые годы!

МОНАСТЫРЬ.

Элегія.

Насталъ покоя часъ! отъ хвалъ, моленій томныхъ,
Пустынной тишинѣ предавши мрачный храмъ,
Рядъ тружениць идетъ печальныхъ и безмолвныхъ,
Склониться къ сладостнымъ забвенія мечтамъ.

Смиренны странницы сей жизни скоротечной,
Для коихъ навсегда веселье отцвѣло;
Ихъ Вѣра облекла въ одежду скорби вѣчной;
Ихъ блѣдное къ землѣ потуплено чело.

Вступаетъ каждая въ свой теремъ одинокой,
Другъ къ другу скорбный взглядъ бросая при дверяхъ;
Свѣтило дневное сокрылось въ понтъ глубокой —
И вечеръ воцаренъ прохладный на поляхъ!

Все пусто вкругъ меня! лишь тихое моленье
Несется изъ среды обители святой;
Тамъ дѣва, притаясь, въ сердечномъ сокрушеньѣ
Возноситъ къ Божеству смиренный голосъ свой.

Быть можетъ, страстію несчастною томима,
Погибшихъ радостей взываетъ отъ небесъ,
Или, печалію ко гробу приводима,
Послѣдній молитъ часъ съ потокомъ горькихъ слезъ.

Какъ, скрытое во мракѣ, ей внемлетъ Провидѣнье
И часъ полуночи медлительно звучитъ;
Сопутницы ея вкушаютъ сна забвенье —
И ихъ безбрачный одръ являетъ гроба видъ.

Свѣтильники любви для нихъ не возгорятся,
Отрадъ супружества сердца ихъ не найдутъ;
Ихъ въ чадахъ красоты уже не обновятся —
И самыя мечты жилища ихъ бѣгутъ.

Суровое одной святыни обожанье
Кладетъ на лица имъ угрюмости печать,
Ихъ сердце хладное мертвѣетъ въ покаяньѣ,
Въ привычкѣ горестной отъ радостей бѣжать.

Всѣ дни проведены въ обѣтахъ ихъ пустынныхъ:
Гнѣвъ праведныхъ Небесъ на милость преклонять,
Ко Промыслу нестись хваленьемъ устъ невинныхъ,
Святой Его алтарь смиренно украшать.

О, вы, владѣющи возлюбленныхъ сердцами,
Кому веселіе въ семъ мірѣ суждено!
Не смѣйте ихъ встрѣчать съ надменными очами:
Блаженство мыслію конца отравлено.

Что вѣчно изъ даровъ здѣсь скорбныхъ и превратныхъ?
Разрушить счастіе одинъ потребенъ мигъ;
И горькая тоска о благахъ невозвратныхъ
Есть плата тяжкая, по коей цѣнимъ ихъ.

Пускай, подобно вамъ, онѣ, во взорахъ страстныхъ
Величіе своей побѣды не прочтутъ,
Не встрѣтятъ ихъ вовѣкъ — и рукъ своихъ пре-
красныхъ
Въ объятья пламенной любови не прострутъ.

Увы! сія краса и взоры, жизнь дающи,
Предъ грозною судьбой себя не защитятъ;
Вотще, сліясь въ одно, мольбу свою несущи,
Сердца присутствіемъ взаимнымъ жить хотятъ —

Все рушитъ алчна смерть! всѣ узы разрываетъ:
Сокровище любви и прелесть юныхъ лѣтъ.
Средь нѣгъ, иль на одрѣ страданья поражаетъ,
И мхомъ покрытый — гробъ единственный вашъ
слѣдъ.

Въ часъ утра свѣтлаго и вечера въ мерцаньѣ,
Когда, вѣдомымъ вамъ сердечною тоской,
Сей безотвѣтный гробъ укажетъ вспоминанье
И слезы потекутъ на злакъ его рѣкой

Вотще, средь скорбнаго души своей порыва,
Объемля хладну персть, вы будете искать
На плачъ вашъ милаго, знакомаго отзыва,
И сердце горестнымъ обманомъ обольщать;

Вкругъ васъ единый шумъ, стрегущія гробъ ели,
И видъ знакомыхъ мѣстъ вамъ будетъ говорить,
Тогда, какъ живо все, лишь вы осиротѣли,
Лишь вашихъ благъ однихъ не можно возвратить!

Стезя сомнѣнія ко смерти отъ рожденья,
Ведетъ печальныя народовъ племена;
И если горести смѣняютъ наслажденья,
И въ нихъ безъ примѣси намъ радость не дана!

Что̀ самая любовь, сей жизни упоенье?
Восторги пламенны въ сліяніи сердецъ
Не столько сладостны, какъ страшно разлученье —
Страшнѣйшее для насъ, чѣмъ самый нашъ конецъ!

Быть можетъ, нѣкогда, къ гробницѣ сей высокой,
Когда вы, въ тишинѣ, придете здѣсь бродить,
Въ мечтанья погрузясь о долѣ одинокой,
Приникнетъ скорбна тѣнь и будетъ говорить:

«Я юную имѣлъ, во цвѣтѣ дней, подругу,
«Ее сразила смерть — послѣдню ей услугу
«Отдать я, въ горести, за гробомъ текъ ея;
«Унылый мѣди звонъ, свѣтъ тусклаго огня,
«Мольбы, которыя вкругъ гроба простирались,
«Съ стенаніемъ друзей и съ плачемъ ихъ сливались.
«Все скорбію мой духъ исполнило тогда;
«Но что я чувствовалъ, красавицы! . . . . когда
«На первый звукъ земли, валимой тихо съ края,
«Въ глуши отозвалась обитель гробовая?» . . . .

БѢДНЫЙ ПОЭТЪ.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ЖИЛЬБЕРТА.

О, дней моихъ весна! куда сокрылась ты?
Едва твой слѣдъ примѣчу,
Какъ сна плѣнительна мечты,
Вотще лечу къ тебѣ — тебя вовѣкъ не встрѣчу!
Полжизни, можетъ быть, моей,
Въ себѣ ты заключила;
Но ахъ, жалѣть ли мнѣ о ней?
Восходъ моей зари ты скорбью омрачила
И скрылась отъ меня,
Какъ кроется отъ глазъ, предвѣстникъ бурна дня,
Въ туманныхъ облакахъ померкшее свѣтило!
Но блескъ отрадныхъ дней твоихъ
Еще прельщенное воображенье ловитъ.
Кто знаетъ, чтò судьба въ грядущемъ намъ го-
товитъ?
Обрекши, можетъ быть, для горестей иныхъ,
О, скорбь! въ юдоли сей изгнанья,
Готовила она жестокою рукой,
Чтобъ шелъ тернистою стезей я испытанья
И силы укрѣплялъ души моей тобой!
Такъ, ты мою стезю въ семъ мірѣ начертала!
Я устъ отъ твоего не отклонялъ фіала,
Съ начала бытія тобою уловленъ;
Едва страдальческихъ пеленъ
Младенчества освободился,
Первѣйшихъ благъ земныхъ — ласкъ матери ли-
шился

И колыбель моя явилась гробомъ ей!
Младенцемъ я позналъ условье жизни сей,
И первый мой урокъ была — ея могила!
Съ тѣхъ поръ меня, ты, скорбь, себѣ усыновила!
Лишь пылкой юности свѣтильникъ возблисталъ,
И славы призракомъ мой духъ обворожился,
Я въ слѣдъ за нею устремился —
И что жъ, безумецъ, я сыскалъ?
Несчастному о ней и мысль уже преступна;
Какъ злато хладная, ничтожная какъ дымъ,
Единой хитрости ласкательства доступна —
И чуждая сердцамъ незлобнымъ и простымъ!....
Не устыжусь изрѣчь, что жребій всемогущій
Извелъ меня на свѣтъ среди простыя кущи,
И бѣдность лишь одну въ наслѣдье далъ отецъ.
О, скорбный мой отецъ! я слышу голосъ твой,
Родительскихъ полей почто, въ ожесточеньѣ,
Мой сынъ, забывъ меня, бѣжишь — за кѣмъ во слѣдъ?
«Ко Славѣ!» позабудь безумное стремленье,
Я дряхлъ, а ты едва по слуху знаешь свѣтъ,
Въ печальной старости останься мнѣ отрадой:
Мой день почти угасъ, живу не для меня,
И свѣтомъ слабаго колеблема огня,
Хочу свѣтить тебѣ послѣднею ломпадой!
«Ко Славѣ!» если такъ, ступай! — мнѣ, въ цвѣтѣ дней,
Какъ юность пылкая зоветъ во храмъ честей,
Мнѣ далѣ не видать отеческихъ полей!
Тотъ мертвый человѣкъ, кто въ обществѣ не славенъ!

И вотъ—корабль готовъ и парусъ мой направленъ,
И въ пристани, Творецъ меня не удержалъ!
Взялъ въ руки опытъ руль—и скоро мнѣ сказалъ:
Ты менѣ чѣмъ одинъ, ты кровными оставленъ!
Для ней, для ней всѣмъ жертвовать хочу!
И Слава ль не плѣнитъ духъ прямо благородный?
Я гражданинъ, за жизнь я обществу плачу,
Вѣй вѣтеръ — и лети корабль по безднѣ водной!
Ни бурей, ни грозой,
Судьба коварная его не поглотила,
Но тайною своей рукой
Путь дерзкаго ума на влагѣ волнъ хранила!
Онъ прибылъ — онъ одинъ. — Кто вы? гдѣ вашъ
отецъ? —
«Онъ живъ еще, но я, увы! теперь безроденъ!»
— Зачѣмъ?— «Полезнымъ быть?» —Права? — «я
благороденъ;
— А ваше ремесло? — «*Бѣднѣйшее* — пѣвецъ.
Таланты любятъ здѣсь, здѣсь уважаютъ знанья,
Здѣсь музамъ алтари — наукамъ здѣсь пріютъ,
Что можетъ выше быть поэтовъ достоянья?
Они безсмертіе согражданамъ даютъ;
Похитивъ отъ боговъ волшебные глаголы,
Какъ возвѣщатели величія людей,
Они передаютъ потомству блескъ царей,
Они, паря къ Творцу крылатымъ ихъ умомъ,
И долу естества проникнувши уставы,
Оправдываютъ здѣсь, жрецы ума и славы,
Ничтожность смертнаго предъ горнимъ Боже-
ствомъ;
Оракулы судебъ, таинственники Неба,

Вотще, змѣиною подъемляся главой,
Стремится зависть къ нимъ, дочь Злобы и Эреба,
Оставя для другихъ попрать ее пятой,
Завистниковъ своихъ талантъ не примѣчаетъ!
Такъ солнце, восходя на тверди голубой,
Мерцанье слабыхъ звѣздъ собою помрачаетъ.
Для Генія преградъ и не было и нѣтъ!
Смѣлѣй въ свой путь, поэтъ,
Достоинству, уму, отверзто здѣсь паренье, —
Убійственный обманъ! такъ думаете вы;
А я, въ началѣ бывъ ничтожнаго стремленья,
Не славы жертвою, но жертвою молвы,
Къ терзанью своему людей коварство зная,
Я понялъ гдѣ талантъ себѣ преграду зритъ,
Гдѣ, съ нѣжною душой, бѣжитъ отъ васъ Піитъ —
И лира вержется навѣки умолкая!
Здѣсь Геній лишь паритъ на крыліяхъ златыхъ
И низостью одной вѣнокъ свой покупаетъ;
Поэтъ давно лишенъ за то здѣсь правъ своихъ,
Что языкомъ боговъ межъ смертными вѣщаетъ!
Прочь призракъ пагубный! прочь гласъ зовущихъ лиръ!
Угасни навсегда въ душѣ желанье Славы!
Явитесь вспять ко мнѣ, о юности забавы,
И сердца прежняго, безцѣнный, чистый миръ!
Блаженъ, стократъ блаженъ, ему кто цѣну знаетъ,
Заранѣ усмиря страстей своихъ порывъ.
Кто въ отческомъ дому живетъ, себя сокрывъ:
Цвѣтъ юности его не рано опадаетъ,
И радость, спутница на жизненномъ пути,
Не скоро чувствовать даетъ ему измѣну;

Годичны времена, въ свою урочну смѣну,
Какъ дань спѣшатъ ему плоды свои нести,
Доволенъ онъ во всемъ, въ снѣ самомъ несму-
щенный
Ужасной мыслію, что въ нашъ кичливый вѣкъ,
На лоно матери возможетъ человѣкъ,
Подъ игомъ бѣдъ упасть, ни кѣмъ не подкрѣп-
ленный!
О, сколько счастливъ онъ, когда хранитъ отецъ
И мать, въ закатѣ дней, его златые годы;
Коль, чувствъ небесныхъ рай, о, верхъ даровъ
природы!
Коль самая любовь хранитъ его покой
Въ прелестномъ образѣ подруги молодой!
Съ какимъ восторгомъ зритъ, по краткомъ раз-
лученьѣ,
Свиданья сладкаго ея предупрежденье,
Счастливыя любви, благословенный плодъ!
Старѣйшихъ чадъ она къ нему тутъ правитъ ходъ,
И, младшаго неся, идетъ по скатамъ схода,
Прекрасна, какъ сама весенняя природа!
Все, все, что́ смертнымъ далъ блаженнаго Тво-
рецъ,
Обилье, тишина, веселіе сердецъ,
Невозмутимый кровъ и счастья полно ложе....
Ихъ взоры встрѣтились, о, скрой Великій Боже!
Сей видъ разительный для горести моей!
Но если бы судьба еще ко мнѣ смягчилась
И ярость злыхъ сердецъ на время утомилась,
Я могъ бы славенъ быть хоть смѣлостью своей!
Такъ, гордые враги! въ моихъ цвѣтущихъ лѣтахъ,

Я многое у васъ похитить бы умѣлъ;
Неукротимый левъ, застигнутый въ тенетахъ,
Воспомнивъ, разъярясь, свободу — свой удѣлъ,
Сверкая на ловцовъ грозящими очами,
Терзаетъ гнусну вервь — и гордыми стопами
Идетъ, царемъ лѣсовъ, въ которыхъ плѣнъ познал!....
Но что въ мечтаніяхъ напрасныхъ я вѣщалъ?
Прости, родитель мой! надъ бездною готовой
Еще пророческій мнѣ слышится твой гласъ;
Малѣйшей вѣтвію я льстилъ себя лавровой —
И та отъемлется въ послѣдній, грозный часъ!
Со вздохомъ факелъ свой надежда погашаетъ!
Мой духъ, какъ дымъ его, мгновенно отлетитъ;
Страданье гроба верхъ предъ мною поднимаетъ —
И взоръ, твой даже взоръ, его не отличитъ!
Такъ путникъ, изнуренъ, подъ бременемъ ужаснымъ,
Одинъ, среди лѣсовъ въ глухой полночной тмѣ,
О помощи зоветъ моленіемъ напраснымъ
И стонъ передаетъ единой тишинѣ.
Я зрю его: онъ палъ, превозможенный рокомъ,
Вотще, съ отчаяньемъ ужаснымъ на челѣ,
Онъ Небо укорять дерзаетъ скорбнымъ окомъ,
И — смертью пригвожденъ безжалостной къ землѣ.
А ты, которой я, подъ игомъ скорби лютой,
О, дружба, мой кумиръ! всемъ жертвовалъ собой,
Гдѣ ты, жестокая? пожертвуй мнѣ минутой —
Одръ смерти есть алтарь для дружества святой!....

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

Жизни бурной средь теченья
Много встрѣтилъ я въ пути;
Встрѣтилъ *Радость* — и мгновенья
Не успѣлъ я съ ней пройти;
Оглянулся: прочь отъ взора!
Не оставивъ и слѣда;
Призракъ милый! такъ ли скоро?
И ужъ слышу: навсегда!

Усладить ея разлуку
Дружба манитъ въ свѣтлый храмъ:
Въ путь-дорогу! дай мнѣ руку,
Что ни будетъ — пополамъ!
Что мнѣ въ долѣ одинокой?
Вотъ рука — и посохъ данъ,
Но лишь шагъ — и вождь жестокой
Злобно шепчетъ: я обманъ!

Зрю, зоветъ богиня *Славы:*
Въ слѣдъ иди моимъ сынамъ!
И фіалъ своей отравы
Поднесла къ моимъ устамъ!
За нее, въ ожесточеньѣ,
Я въ бою враговъ разилъ;
Но въ душѣ одно мученье
И съ побѣдой выносилъ;

Жаждой вѣчною томимой,
Я бѣжалъ ея знаменъ;

Для души ненасытимой,
Слава! твой ужасенъ плѣнъ;
Пусть другой кто, ослѣпленный,
Пусть въ тебѣ свой видитъ рай;
Блага мира мнѣ безцѣнны,
Наслажденье мнѣ отдай!

Смертный! здѣсь пріютъ покою —
Къ счастью сердце уготовь!
Такъ, обнявшись съ *Красотою*,
Говорила мнѣ *Любовь*;
Я забылся — сонъ минуты!
И лишь помнилъ что любилъ,
Чтобъ родить мученья люты
Онъ душѣ моей польстилъ!

И пути ужъ часть большая
Простирается за мной,
Кто же спутники до края?
Кто товарищъ вѣрный мой?
Ты, надъ рокомъ вождь побѣдный,
И незнающій утратъ;
Неизмѣнный и послѣдній
До могилы тѣсныхъ вратъ;

Жизнь и изнуренье силѣ,
И цѣлитель и недугъ,
Кѣмъ, какъ золото въ горнилѣ,
Возвышается нашъ духъ;
Терны жизни въ сокрушеньѣ,
Попирающій путемъ;

Кто преткнется, о *Терпѣнье*!
Укрѣпясь твоимъ жезломъ?

И другой, еще жесточе,
Испытующій сердца,
Что избравъ стезю короче
Насъ доводитъ до конца,
Сердцу узы всѣ потребны
Пренеся въ другой предѣлъ —
Безотрадный, но цѣлебный
Одиночества удѣлъ.

МЫСЛИ ПРИ ГРОБѢ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО.

Въ Апрѣлѣ 1813.

Какъ изумленный свѣтъ дѣламъ твоимъ дивился —
И духъ унывшія Европы оживалъ,
Россъ, видя образъ твой, въ веселіи гордился
И, избавителя, тебя благословлялъ;
Когда всеобщій слухъ тобою былъ плѣняемъ,
Цари завидовать могли твоей судьбѣ;
Кутузовъ! твой ли гробъ въ печали мы срѣтаемъ?
Такое ль торжество готовили тебѣ?
Восторговъ нашихъ гласъ въ плачъ тяжкій пре-
вратился;
Гдѣ ты, спасеніе, надежда Россіянъ?
Лишь славу ихъ вознесъ — и въ вѣчности со-
крылся —

Такъ солнце отъ очей скрываетъ океанъ.
Кто нынѣ поведетъ полки осиротѣлы?
Кто мужествомъ враговъ заставитъ трепетать?
Кто будетъ защищать Отечества предѣлы?
Кому спасать царей и царства возставлять?
Увы! тебя ужъ нѣтъ! пусть рокъ ожесточенный,
Въ отраду намъ тебя безсмертіемъ даритъ,
Пусть слава временамъ твой кажетъ гробъ свя-
щенный,
Въ немъ Славы нашихъ дней залогъ уже сокрытъ;
Какой Россіи сынъ удержитъ слезъ теченье?
Не есть ли торжество врагамъ твой гробъ одинъ?
Усердіе къ тебѣ вмѣнится ль въ изступленье?
Здѣсь пишетъ не Поэтъ — здѣсь плачетъ Граж-
данинъ.
Соотчичамъ твоимъ отрада лишь едина,
Что громъ твоихъ побѣдъ всю вѣчность обтечетъ,
Что ихъ Отечество въ тебѣ имѣло сына:
Во славѣ лишь сыновъ Отечество живетъ.

НА МОДНЫХЪ БОЛТУНОВЪ.

(Подражаніе Вижe; сатира четвертая.)

Клитъ! Вздоркинъ! Пустословъ! дадутъ ли мнѣ
покой?
Лишь этотъ отъ меня, а тотъ ужъ предо мной!
Клевещетъ, лжетъ, бранитъ, а я предъ нимъ ни
слова,

Со скуки умереть душа моя готова;
Разскащикъ мелочной ничтожныхъ новостей,
По волѣ скачущій терзать собой людей,
Въ комъ вѣчно дѣйствуетъ языкъ велерѣчивый!
Что нужды мнѣ, что «Фирсъ вступаетъ въ бракъ
счастливый,
«Тотъ умеръ, тотъ расторгъ супружескій со-
юзъ» . . . .
За диво выдаетъ! . . . . тогда лишь я дивлюсь,
Коль, ставя тяжкому мученію преграду,
Онъ, сжалясь, замолчитъ, ушамъ моимъ въ отраду,
И дастъ спокойно мнѣ, прослушавъ скучный
вздоръ,
Вздохнуть — и устремить на небо скорбный взоръ!
«Покражею стиховъ, ничтожныхъ силъ въ замѣну,
«Тамъ *Глуповъ* на подрядъ дурачитъ Мельпомену,
«Тамъ шутъ на площади, привыкшій чернь смѣ-
шить,
«Судьею посаженъ дѣла ея рѣшить;
«Тамъ жалкій рабъ страстей, *Развратинъ* вянетъ
въ цвѣтѣ» . . . .
Довольно и того, что есть они на свѣтѣ!
Свѣтъ вѣчно будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ онъ искони
Иль мало, что со мной встрѣчаются они?
Злорѣчіе въ устахъ единаго порока;
Правдивый мужъ скорбитъ, но тихо, безъ упрёка.
Коль слабостей людскихъ нельзя намъ истребить,
Нелучше ль во сто кратъ умѣть ихъ извинить?
Нѣтъ, вы опять свое: «Зачѣмъ тотъ знатенъ,
пышенъ,

Тотъ слишкомъ скроменъ, тихъ, а тотъ въ хва-
лахъ излишенъ,
И ползаетъ въ пыли у княжескихъ дверей»....
Нелучше ль, чѣмъ судить, вамъ научать людей,
Чѣмъ порицать кого въ пренебреженьи вѣры,
Вамъ благочестія подать ему примѣры,
И первымъ перестать, пришедши въ храмъ святой,
Окинувши народъ, собравшійся толпой,
Ловить своихъ Лаисъ завистливые взоры,
Иль громко выхвалять ихъ модные уборы,
Взглядъ дерзкій на красу невинную кидать,
Смиренье бѣдности почтенной презирать,
Молебный старца ликъ, съ рукой въ бояхъ увѣч-
ной,
Встрѣчать съ холодностью души безчеловѣчной?
Судить не мудрено — примѣромъ трудно быть.
Славнѣй, откинувъ брань, невѣжеству простить,
Чѣмъ, слабость въ комъ нашедъ и ставъ его судьею,
Лишь съ тѣмъ, чтобъ уязвить, ползти за нимъ
змѣею,
Винить какъ мудрецу, какъ злобному ругать,
И собственный порокъ злословьемъ обличать;
На трудъ художника взирать съ пренебреженьемъ,
Уничижать его единымъ мановеньемъ;
Съ лицемъ безсмысленнымъ, на коемъ лишь одни,
Изжитые въ цѣпяхъ разврата видны дни,
Хулить твореніе, вѣнчанное отъ свѣта —
И хладной убивать улыбкою поэта!
Съ душею ноющей подъ бременемъ страстей,
Въ личинѣ мудреца казаться всѣхъ умнѣй,
Въ личинѣ, кою я безтрепетно срываю,

И Мидаса подъ ней со смѣхомъ открываю!....
Къ чему вы тратите ничтожныя слова?
Оставьте лучше свѣтъ, какимъ онъ былъ сперва;
Повѣрьте, скучные врали и пустомѣли,
Что съ вашей брани въ немъ глупцы не поумнѣли,
Что такъ же плутъ хитритъ, коверкается льстецъ
И съ наглостью вездѣ является подлецъ!
Увы, я часто самъ свидѣтель былъ сему!
Но надобно ли мстить злорѣчіемъ всему?
Нѣтъ, мстите лучше вы не злобой, не презрѣньемъ,
Но бѣднымъ помощью, но сирыхъ заступленьемъ.
Полезно ль для меня въ безпечности отдать
Другому — общій долгъ несчастнымъ сострадать?
Пусть онъ закона стражъ — я точный исполнитель;
Пусть будетъ онъ судья — но я благотворитель,
Присвоимъ то себѣ, что можетъ быть, другимъ,
Какъ должность случаемъ приписано слѣпымъ,
Потщимся, отложивъ сужденія пустыя,
Чтобъ прямо показать намѣренья благія,
Удерживать языкъ, примѣръ давать собой,
Быть дѣломъ добрыми, не словомъ, не молвой.

СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БАЛА, БЫВШАГО ВЪ МОСКОВСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ ПО СЛУЧАЮ ПРИБЫТІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ СІЮ СТОЛИЦУ ПО ЕЯ РАЗОРЕНІИ.

Любовію Монархъ связуется съ народомъ!
Москва тому примѣръ коль славны въ ней они;

Тиранъ сожегъ — а ты, нашъ Царь! однимъ при-
ходомъ
И пепелъ засвѣтилъ въ торжественны огни!

Владычества другихъ пусть страшными слѣдами
Останутся пожаръ, развалины и кровь;
Ты скипетромъ своимъ равняешься съ богами —
Вѣнецъ тебѣ плететъ всеобщая любовь.

Дивишься ль, посреди народныхъ восхищеній,
Что съ жадностью спѣшатъ встрѣчать Твой
каждый шагъ?
Жизнь добраго Царя — есть счастье поколѣній!
И взоръ на образъ Твой — порука нашихъ благъ!

Зри очи всѣхъ къ Тебѣ съ восторгомъ устрем-
ленны,
И полны всѣхъ уста единою молвой;
Здѣсь камни самые навѣкъ запечатлѣнны
Ко трону Твоему любовію святой —

На каждомъ шагѣ здѣсь величія примѣры
О предкахъ возвѣстятъ изъ рода въ родъ сынамъ,
Героевъ колыбель, Москва — обитель Вѣры —
И вѣчный образецъ усердія къ Царямъ.

НА КОНЧИНУ ДЕРЖАВИНА.

Элегія.

He wasaman, take him for all in all
We shal nof look upon his like again.
Шексп.

—

О комъ, зрю, Хариты и Музы въ печали,
О комъ умоляютъ власть грозныхъ Судебъ?
Но тщетно — на урну взывая припали:
Ты скрылся, Державинъ!—ты скрылся, нашъ Ѳебъ!

И гласъ ихъ не слышитъ ужъ сердце Поэта!
Цѣвницы во прахѣ — нѣтъ жизни въ струнахъ....
О, Бардъ! и на лиру, плѣнявшу полсвѣта,
На лиру ль Безсмертья сей падаетъ прахъ?

Гдѣ жъ Вѣчность и Слава, о коихъ повѣдалъ
И двигалъ къ нимъ сердце Героевъ, Царей?
Кому, Пѣснопѣвецъ, кому ты передалъ
Небесный твой пламень, другой Прометей?

Увы, все въ подлунной на мигъ лишь созданно!
Кичливости смертныхъ повсюду урокъ;
Нетлѣнный твой вижу, злой смертью сорванной,
На гробны ступени катится вѣнокъ....

Вѣнокъ, кѣмъ безсмертна Россіи Царица?
Что Слава сплетала тобою гордясь?

Нѣтъ, Бардъ нашъ единый! прахъ скрыла гробница —
Но вѣчность надъ нею съ тобой обнялась!

И, въ нѣдра пріемля гробъ славнаго праха,
Обитель истлѣнья святится земля;
Внявъ гласъ твой, о, Геній! со смертью, безъ страха,
Сойдусь — и за гробомъ увижу тебя:

Въ сіяньи небесномъ, гдѣ днесь, Пѣснопѣвецъ,
Ты вновь предъ Фелицей — Царей образцомъ —
И Сѣвера витязь, Ея громовержецъ,
Склоняетъ при встрѣчѣ пернатый шеломъ —

Сіяй между ними, отъ Музъ похищенный,
На слѣдъ твой взираю я съ завистью днесь —
И скорбью къ могилѣ несу отягченный,
Всё, что̀ лишь имѣю: — и слезы и пѣснь!

Тамъ, мнится, твой Геній гласитъ отлетая:
Что пѣть мнѣ: Царицы единственной нѣтъ!
Отчизна вѣщаетъ твой гробъ обнимая:
Съ величьемъ народа родится поэтъ.

Какъ дни исчезаютъ и смертныхъ такъ племя,
Гробницей великихъ ихъ слѣдъ познаю;
Твой памятникъ видя, зрю, самое время
Склонилось недвижно па косу свою;

Твой путь былъ ко славѣ усыпанъ цвѣтами,
Особая участь счастливцу дана;

Ты пѣлъ, окруженный безсмертья сынами:
По отзывамъ Лиры цѣнятъ времена.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ПЛѢННИКИ.

РОМАНСЪ, ПОЧЕРПНУТЫЙ ИЗЪ ПРОИСШЕСТВІЙ 1813 ГОДА.

Кровавой битвы часъ ужасный,
Какъ грозно жребій мой рѣшенъ!
Я живъ остался — и напрасно
Мой мечъ побѣдой изощренъ!

Вотще со мной орудье мести!
Вотще внимаю брани гласъ,
Разивъ враговъ на полѣ чести
Отъ плѣна мечъ меня не спасъ! —

Поверженъ, язвами покрытый,
Не смерти жертва, но враговъ,
Добыча брани знаменитой
Позналъ Оскольдъ позоръ оковъ;

Герой! гдѣ твой булатъ разящій,
Гдѣ пылъ къ сраженью, страхъ врагамъ,
Твой кликъ, побѣдѣ предлетящій,
Оракулъ грозный ихъ сердцамъ?

Далеко родины священной,
Далеко кровныхъ и друзей;

За храбрость — мракъ тюрьмы презрѣнной;
За кликъ побѣдный — звукъ цѣпей.

На дикомъ берегѣ Луары,
Въ ужасной башнѣ вышпной,
Враги его повергли яры
Подъ стражей дневной и ночной.

Чѣмъ болѣ витязь былъ опасенъ,
Тѣсняся съ смертью въ рядъ враговъ,
Тѣмъ болѣ плѣнъ его ужасенъ
И гибельный конецъ готовъ!

Одинъ, прискорбенъ, въ думѣ смутной —
И взоръ его къ землѣ простертъ;
Онъ смерти ждетъ ежеминутно
И каждую минуту твердъ.

Какъ вдругъ .... о, скорбно утѣшенье!
Свѣтъ озарилъ темничну тму!
Ведутъ — — «одно имъ заточенье
И участь та же, что ему!

«Они — погибель нашихъ ратей,
Гроза рушительна въ бою,
На нихъ видна кровь нашихъ братій,
На нихъ насытимъ месть свою!

Нѣтъ, нѣтъ, пусть прежде изготовимъ
Достойное отмщенье имъ,
Страданья каждый вздохъ изловимъ —
И казнью страшной умертвимъ!»

Краса станицъ, щитъ странъ полнощныхъ,
Возросшихъ средь донскихъ степей,
Быстролетучихъ, храбрыхъ, мощныхъ,
Оскольдъ зритъ ближнихъ и друзей:

«Тамъ брань, они гласятъ, кровава,
Отчизны въ славу возжена;
А намъ, намъ измѣнила слава —
Лишь честь осталася вѣрна!

Погибнемъ, коль погибнуть должно,
Насъ близитъ къ смерти каждый мигъ!
Почто, отечество, не можно
Вновь биться намъ въ рядахъ твоихъ?

Проходятъ дни — проходятъ ночи —
Несчастныхъ жертвъ внимая стонъ;
И утомленныя ихъ очи
Отрадный не смыкаетъ сонъ.

Въ душѣ отмщеніе пылаетъ,
Снѣдаетъ сердце ихъ тоска;
И, безоружная, не знаетъ
Путей отчаянья рука.

Вдругъ ночи въ мракъ, дверей затворы
Отверзлись, страшно заскрипѣвъ.
«Часъ смерти,» — и смущенны взоры
Срѣтаютъ дѣву — прелесть дѣвъ.

Какъ ангелъ Божій утѣшитель,
Низпосланный съ небесъ благихъ,

От узъ земныхъ освободитель,
Она является для нихъ.

Кто красоту ея опишетъ?
Какъ роза цвѣтъ ея ланитъ,
Въ груди огнь любови дышетъ
И взоръ отважностью горитъ.

«О, Витязи! рекла, спасайтесь,
Минута смерти сочтена;
Вотъ ключъ, одежда, все: скрывайтесь!
А я за васъ умру одна!

Темницы страшной сей хранитель,
Похитилъ счастье дней моихъ,
И хищникъ сей....есть мой родитель!
Имъ преданъ казни мой женихъ!....»

Смущенныхъ ихъ, въ благодареньѣ,
Выводитъ смѣло за собой:
«Здѣсь вамъ, о, Витязи! спасенье —
А мнѣ во глубинѣ рѣчной!

«О, погаси, пучина яра!
Огонь, пылающій во мнѣ!.....» —
И, съ шумной пѣною, Луара
Ее скрываетъ въ глубинѣ.

НАДПИСИ.

Къ Императорскому Воспитательному Дому.

Несчастнымъ сиротамъ, безъ племени и рода,
Которыхъ, въ слѣпотѣ, отвергнула Природа,
Екатерина здѣсь и жизнь и свѣтъ дала —
И въ благости своей Природу превзошла.

Къ бюсту И. И. Дмитріева.

Храню я образъ твой, любимецъ Музъ и Славы,
Чтобъ быть увѣреннымъ безсмертія въ судьбѣ;
Отечество подъ нимъ, зрю, пишетъ о тебѣ:
Краса моихъ Пѣвцовъ и перлъ моей Державы!

Къ портрету А. А. Прокоповича-Антонскаго.

Написано по случаю пожалованія его въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Не почестей однихъ и не наградъ стяжанья
Онъ въ ревностномъ къ добру стремленіи искалъ;
Но счастья согражданъ съ ихъ юныхъ дней желалъ,
И вѣкъ свой посвятилъ для ихъ образованья!

Къ портрету графа Витгенштейна.

Перунъ нечаянный полночныя Державы!
И Петрополя щитъ — и щитъ Россіи всей:
Онъ первый двадесять языкъ вождя вождей
Смирилъ — и на челѣ потрясъ вѣнецъ кровавый!

В. А. Жуковскаго,

Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ.

Герои Сѣвера! *спасенья* въ славный годъ
Вы увѣнчалися нетлѣнными вѣнками;
Сей образъ васъ во храмъ Безсмертія ведётъ —
И будетъ говорить съ вѣками.

ЭПИТАФІИ.

Князю Кутузову-Смоленскому.

Пади предъ гробомъ симъ Россіи сынъ и Феба!
Не смертный погребенъ — здѣсь скрытъ посланникъ Неба!

Н. А. З.

Здѣсь юноша лежитъ, увядшій въ цвѣтѣ вѣка:
Въ немъ духъ былъ Ангела — но страсти Человѣка.

П. А. НИКОЛЬСКОМУ.

НА ЕГО ИМЯНИНЫ.

Мнѣ явился свѣтлый Геній
Въ юномъ образѣ твоемъ:
Другъ веселый пѣснопѣній,
Вмѣстѣ дружбу воспоемъ!
Онъ сказалъ — и лиру въ руки
Мнѣ, съ усмѣшкою, подалъ:
Съ струнъ посыпалися звуки,
Духъ восторгомъ воспылалъ;
Дружба жаръ въ груди питала,
Дружба строила мой гласъ;
Дружба громко восплескала
Улыбаяся межъ насъ;
Съ ней веселья и Хариты,
Нѣжны спутники ея,
Вѣчно розами увиты,
Восплясали вкругъ меня,
И сама угрюма старость,
Обновивъ предъ ними ликъ,
Пусть, вѣщала, вашу младость

Краситъ радости языкъ!
Мудрость кроткій взоръ низводитъ,
Видя дружбы сладкій смѣхъ;
Сколь блаженъ кто дни проводитъ
Для однихъ, речетъ, утѣхъ!....
О, безцѣнный сердцу геній,
Въ видѣ друга низлетай,
Ты въ замѣну вдохновеній,
И восторгомъ грудь питай!
Что здѣсь вѣчно? — лишь родился:
Сумракъ жизни наступилъ;
Кто всѣхъ болѣ веселился,
Тотъ всѣхъ долѣ въ мірѣ жилъ.
На минуту намъ едину —
Жизнь дана Судьбы рукой: —
Пусть живемъ мы половину,
Но съ прямой ея цѣной!
Утро — Мудрости и Славѣ,
Дружбѣ — отдыхи свои;
Вечеръ — Вакху, ночь — забавѣ
И объятіямъ любви!
Жизни часъ невозвратимой
Такъ устроивъ межъ собой,
Проведемъ ее незримо,
Какъ пріятный праздникъ твой.

КЪ НЕЕРѢ.

(Элегія изъ Тибулла).

—

Предъ украшенными почто я алтарями,
Неера, возжигалъ куренія богамъ,
И ихъ безплодными обременялъ мольбами —
Коль ты не предстаешь Тибулловымъ очамъ?
Не требовалъ отъ нихъ чертоговъ я огромныхъ,
Ни стадъ безчисленныхъ, ни злата, ни честей,
Нееры лишь взывалъ въ моихъ желаньяхъ скром-
ныхъ,
И жизни долгія дерзалъ молитъ при ней!
Къ чему послужитъ мнѣ богатство безполезно,
Безчисленны стада, бродящи по лугамъ?
Съ тобой, Неера, мнѣ убожество любезно!
Пусть въ бѣдности сойду я Леты къ берегамъ.
Что въ тучныхъ мнѣ стадахъ, что̀ въ благости
Цереры?
Въ семъ златѣ, что̀ земля, во глубинѣ своей,
Вотще хотѣла скрыть отъ алчности людей?
Что̀ всѣ сокровища Тибуллу безъ Нееры?
Не нужны для него ни зданія богаты,
Фригійски мраморы, сидонское руно,
Они не отвратятъ полки заботъ крылаты;
Спокойствіе души съ богатствомъ не дано!
Другъ сердца моего! единаго мгновенья
Восторговъ нашихъ я отдать не соглашусь
За всѣ премѣнчивой Фортуны обольщенья —
И самой безъ тебя короны отрекусь! —

О, боги, вы обѣтъ внемлите мой смиренный:
Пусть, блеска, пышности и всѣхъ даровъ лишенный,
Я въ хижинѣ отцевъ, древесъ родныхъ въ тѣни,
Съ Неерой дни веду — съ Неерой кончу дни!
О, дщерь Сатурнова! внемли мои моленья,
И ты, прелестная Киприда, къ нимъ склонись,
Съ эѳирной высоты небеснаго селенья
На крыльяхъ голубицъ въ блистаніи снесись,
Отдай души моей дражайшу половину,
И съ свѣтомъ утреннимъ, и съ позднею зарей,
Я буду чествовать тебя, мою Богиню,
Обильной жертвою средь отческихъ полей.
Когда же Парки мнѣ, согбенныя лѣтами,
Три грозныя сестры, что̀ смертныхъ жизнь блюдутъ,
Нить дней моихъ прядя изсохшими перстами,
Свиданья сладкаго сего не прорекутъ:
Сошли меня тогда во пропасти подземны,
Гдѣ тѣни блѣдныя, гдѣ Фуріи однѣ,
Въ обители свои меня пріемля темны,
Пришельцу новому возрадуются мнѣ.

МАДРИГАЛЫ.

Въ альбомъ А. Н. Ф.

Пусть будетъ вашъ альбомъ счастливѣйшимъ друзьямъ
Завидное о нихъ сулить воспоминанье:

Я буду счастливъ тѣмъ, коль онъ напомнитъ вамъ,
Что ваше выполнилъ въ минуту я желанье.

2.

Когда бъ всесильнымъ быть природа мнѣ судила:
Я бъ одарилъ тебя любезностью, умомъ,
Душъ нѣжныхъ свойствами, плѣнительнымъ ли-
цомъ;
Но, мудрая, она меня предупредила.

ПРОЩАНЬЕ КАЗАКА.

Съ нѣжнымъ вѣрности обѣтомъ
Обойми меня, мой другъ,
Я заутра, дня съ разсвѣтомъ,
Покидаю мирный лугъ!

Во своемъ гордясь убранствѣ,
Быстрый конь мой, вороной,
Землю бьетъ въ непостоянствѣ
И зоветъ летѣть на бой!

Опѣненными браздами
Онъ звучащій, въ чуждый край,
Понесетъ на брань съ врагами,
Съ Дона мигомъ на Дунай!

Тамъ калены вражьи стрѣлы,
Крови жаждущій булатъ,
Тамъ невѣрныхъ странъ предѣлы
Смертью страшной мнѣ грозятъ!

Тамъ слетится съ сопостатомъ
Силъ извѣдать твой Донецъ,
На конѣ своемъ крылатомъ
Встрѣтить славу иль конецъ!

НА ЖЕНИТЬБУ ВЪ БОЛЬШОМЪ СВѢТѢ.

(Подражаніе Ювеналу и Боало; сатира пятая).

—

Наскучивъ жить одинъ и въ суетѣ и въ горѣ,
Дамонъ, пронесся слухъ: ты въ бракъ вступаешь вскорѣ,
И тысячи уже съ невѣстой сочтены:
Порука вѣрная въ достоинствахъ жены!
«Давно ты говоришь, я, въ участи жестокой,
Желалъ избавиться отъ жизни одинокой,
Встрѣчать вокругъ себя лишь лица скучныхъ слугъ —
Всегда, вездѣ одинъ — мнѣ нуженъ нѣжный другъ,
Полсердца празднаго что̀ занялъ бы собою;
На свѣтъ къ супружеству мы созданы судьбою —
И жалокъ, кто бѣжитъ его во цвѣтѣ дней!
Несчастнѣй — истинно — не вижу тѣхъ людей,
Которые живутъ подъ старость холостыми,

И участи страшусь я одинакой съ ними:
Дряхлѣть безъ помощи и ждать лишь съ каждымъ
днемъ,
Чтобы наслѣдниковъ обрадовать концомъ,
И, можетъ быть, еще — примѣръ въ томъ не
единой —
Отъ нихъ же умереть безвременной кончиной!—
Нѣтъ, нѣтъ! Природы мнѣ законъ всего святѣй;
Хочу имѣть жену и милыхъ мнѣ дѣтей:
Въ семействѣ лишь пріютъ сердечнаго покоя!...»
Такъ въ пору бъ говорить съ церковнаго налоя,
И лучше убѣдить, Дамонъ, на этотъ счетъ
Краснорѣчивый самъ не могъ бы Боссюэтъ.
Кто споритъ въ томъ — ни что не можетъ здѣсь
сравниться
Съ блаженствомъ — жребіемъ съ подругою дѣ-
литься
И видѣть вкругъ себя малютокъ рѣзвыхъ сонмъ,
Которыхъ въ торжествѣ мечтаешь быть отцомъ,
Ихъ ласки, суету, домашнихъ уваженье,
И обморокъ жены при маломъ огорченьѣ!
Но вспомнилъ ли и то, счастливецъ изъ мужей,
Что также горести имѣетъ Гименей,
И что онъ, въ наши дни, не стражъ уже любови...
Но что̀? я началъ лишь, а ты ужъ хмуришь
брови
И мнѣ наперекоръ съ досадой говоришь:
«Ты такъ же, какъ и свѣтъ, во всемъ лишь худо
зришь;
Но еслибъ зналъ кого въ невѣстѣ обожаю,
То воспитаніе, тѣ чувства....» — Понимаю

И всѣ достоинства даю охотно ей —
Пусть будетъ честь невѣстъ и зависть матерей;
Положимъ, что тобой избранная супруга
Въ ученіи добра не вѣдала досуга,
Какъ ангелъ, дышетъ лишь невинностью одной —
Но кто увѣренъ въ томъ, чтобъ, съ пылкою душой,
Начавъ съ тобою жить средь нѣгъ и обольщеній,
Невинность бы ея спаслась отъ преткновеній,
Явившись въ этотъ свѣтъ, на сей театръ чудесъ,
Съ какими взорами твой ангелъ сей небесъ;
Со всею нѣжностью и непорочнымъ чувствомъ
Плѣнится зрѣлища волшебнаго искусствомъ —
Узритъ героевъ сихъ, которыхъ нѣжный гласъ
О сладостяхъ любви твердитъ намъ цѣлый часъ,
Роландовъ яростныхъ, Ренальдовъ сихъ прелестныхъ;
Услышитъ о вещахъ, еще ей неизвѣстныхъ,
Услышитъ, что любви все то, что̀ свято есть,
Какъ вышню божеству на жертву должно несть,
Всѣ скромны правила столь въ операхъ знакомы,
Которы разожгутъ оркестра звучны громы....
Какимъ движеніемъ, въ душѣ воспалена,
Ты думаешь, тогда исполнится она?
Ручаться можно ли, что, возвратясь смущенна,
Армидъ и Ангеликъ въ слѣдъ славный устремленна,
Отважно не начнетъ твердить уроки ихъ?
Къ разврату женщины одинъ потребенъ мигъ.
Но пусть въ семъ случаѣ она не измѣнится
И робкій стыдъ ея соблазномъ оскорбится —

Одинъ ли страхъ? Вступя въ блестящій свѣта
кругъ,
Куда ее введетъ гордящійся супругъ,
Гдѣ окружатъ ее ласкатели болтливы,
Прельстители сердецъ, въ успѣхахъ столь сча-
стливы,
Безмолвна и тверда, подобяся скалѣ,
Она ль безчувственна къ ихъ будетъ похвалѣ?
Сперва, изподтишка, то взоромъ, то словами,
Ихъ отличитъ, назвавъ домашними друзьями;
А тамъ, Дамонъ, а тамъ?.... Жоконда ужъ не
разъ,
Краснѣяся скажу, мы видѣли у насъ!
Честь съ непреступною той крутизной сравнится,
Съ которой низойдя не можно возвратиться.
Быть можетъ, не пройдетъ супружества двухъ
лѣтъ,
Какъ страстная мѣнять любви своей предметъ,
Открыто принимать она друзей сихъ станетъ —
И цвѣтъ стыда навѣкъ въ лицѣ ея увянетъ!
Въ порывахъ пламенныхъ порочныя любви,
Ничто не утолитъ кипящей въ ней крови:
Тогда, неистовой подобясь Мессалинѣ,
Что съ ложа Цесарей разврата шла къ пучинѣ —
Въ рядъ гнусныхъ ставъ рабынь, забывъ и санъ
и дворъ,
Позора на слѣдахъ, являла вновь позоръ,
Предавшись слабости, и ею вновь борима,
Не разъ утомлена, но вѣкъ ненасытима....
Счастливъ, когда въ стыдѣ, не кроясь отъ людей,
Дастъ средство, чтобъ тебѣ избавится отъ ней!

Но что съ тобой тогда, коль болѣе жестока,
Любя одинъ соблазнъ и блескъ одинъ порока,
Не столько для себя, какъ чтобъ тебя терзать,
Кокетству своему границъ не будетъ знать?
Въ дому твоемъ, скажи, радѣющій ко благу,
Какъ встрѣтишь волокитъ ты шумную ватагу?
Для всѣхъ услужливый и ласковый пріемъ,
Лишь только ты одинъ несносенъ ей во всемъ:
Тотъ словомъ заплаченъ, а этотъ купленъ взгля-
дом;
Для нихъ у ней прошло все утро за нарядомъ,
И грудь прелестная, съ стыдливостью борясь,
Вся дышетъ нѣгою, въ покровахъ не таясь;
Для нихъ искусная рука ея, въ терпѣньѣ,
Красивое волосъ устроила паденье....
Къ ней въ спальню бѣдный мужъ не каждый
часъ входи,
Съ терпѣніемъ минутъ благопріятныхъ жди —
И скроменъ будь, не смѣй, при всѣхъ словахъ
учтивыхъ,
Ей нѣжно упрекать въ издержкахъ прихотли-
выхъ,
Чтобъ страшныхъ не слыхать упрековъ, бран-
ныхъ словъ,
Радъ будешь жертвовать наслѣдіемъ отцовъ;
И можно ли, скажи, встрѣчать когда съ укоромъ
Наклонность въ женщинѣ невинную къ уборомъ?
При всемъ роскошествѣ ее возможно снесть:
Ей скоро въ нищету нельзя еще привесть.
Другой, другой есть страхъ!... Что будешь ты,
несчастный,

Какъ демонъ злой игры вдохнетъ ей огнь ужасный?
Готовься ты ее, за карточнымъ столомъ,
Увидѣть заняту симъ важнымъ ремесломъ,
Какъ поприще она откроетъ новой славы
И игры всѣ отъ ней возьмутъ себѣ уставы;
Готовься видѣть ты, какъ нѣжная жена,
Почтенныхъ игроковъ толпой окружена....

. . . .

Но мнѣ опять гремитъ твое опроверженье:
«Ея небесный нравъ, любезность, просвѣщенье...»
Все помню; но, Дамонъ! живъ въ свѣтѣ межъ семей,
Сихъ кроткихъ ангеловъ до брачныхъ алтарей,
Не видѣлъ ли потомъ, чрезъ годъ или и менѣ,
На пагубу мужьямъ въ ужасной перемѣнѣ,
Какъ ихъ могучій гнѣвъ въ минуту обратитъ
Храмъ мирныя любви въ жилище Эвменидъ?
Какъ нѣжность ихъ въ словахъ, и вкусу должны дани,
Все увлекается потокомъ страшной брани?
. . . . И тутъ-то намъ, Дамонъ,
Есть случай кое-чѣмъ пополнить лексиконъ!
Но что, когда еще отъ страсти, иль досуда,
Захочетъ въ вѣрности испытывать супруга?
Тутъ слово каждое являетъ смыслъ двойной;
Тамъ твой веселый видъ ей кажетъ знакъ худой:
Зачѣмъ ты вѣчно съ ней — иль, встрѣтясь по разлукѣ,
Такъ приближаешься задумчивъ, будто въ скукѣ,
И, будучи отецъ ужъ взрослымъ дочерямъ,
Не падаешь, актеръ, въ любви къ ея ногамъ!

Иль, ада самаго достойное мученье,
Какъ тайное къ ней въ грудь вселится подо-
зрѣнье,
Какъ твой въ молчаніи замѣченъ каждый ходъ,
И ты, идя домой, встрѣчаешь у воротъ,
Въ ночи, свирѣпый видъ, въ суровомъ пламень
взорѣ —
И милую жену въ прелестномъ семъ дозорѣ!
Какъ будешь радъ тогда, отъ страха поблѣднѣвъ,
Когда лишь на тебя обрушится весь гнѣвъ
И, злобствуя, она, забудетъ въ сихъ досадахъ,
Преступнаго отца тиранить въ бѣдныхъ чадахъ!
Тутъ, съ помощью врачей, пріисканныхъ въ пол-
ночь,
Успѣетъ отъ притворствъ не въ шутку занемочь,
И ты, ты самъ бы радъ, теряя духа силы,
Въ отчаяньи ступить на край своей могилы ...
«Ты собралъ горести всѣ брака» говоришь —
Я собралъ всѣ? Дамонъ, ахъ, ты меня смѣшишь!
Отъ страшнаго возьмемъ предметъ не столь су-
ровой;
Я все ли описалъ, сказалъ ли я хоть слово
О той, чей пылкій умъ, познанія и вкусъ
Съ собой переселятъ въ твою обитель Музъ?
Какое для тебя готово восхищенье!
Ты будешь объ одномъ лишь слышать пѣсно-
пѣньѣ,
Или — бѣда, коль Ѳебъ тебѣ не будетъ милъ —
Изъ рукъ твоихъ тогда не примутъ и чернилъ!
Поэты у тебя назначатъ вечеринки,
Гдѣ слышать будешь всѣ бумажныя новинки —

И всѣ передъ тобой отборные умы;
Иной посланія, другой свои псалмы,
На судъ твоей женѣ прочтутъ приличнымъ то-
номъ —
Чего тогда хотѣть, владѣя Геликономъ?
И *Вздоркинъ*, *Вздоркинъ* самъ, отъ басень безъ ума,
Ихъ будетъ тамъ читать, какъ читывалъ Тальма *)
Услышишь какъ межъ нихъ, забывъ она о полѣ,
Явится рыцаремъ въ славянскомъ ихъ расколѣ;
И ты, чтобъ ихъ понять, стремленіемъ горя,
Вновь будешь осужденъ начать отъ букваря —
О той, которая въ любви къ тебѣ нѣмая,
Ласкаетъ одного счастливца — попугая,
И будетъ принимать и жаръ сердечный твой —
И нѣжность и любовь съ стоической душой? —
О той, что̀ избѣжавъ молчанія порока,
Безъ умолку сама лепечетъ какъ сорока?
Ты, вижу, пораженъ сужденіемъ такимъ·
Терпѣнье! кончу все явленіемъ однимъ,
И ужъ страшнѣй сего готовъ хоть до заклада —
Не скажетъ ни одна новѣйшая Баллада!
Что ежели тебя постигнетъ эта часть?
Къ геенской скупости въ нее вселится страсть —
Тогда, Дамомъ, тогда заранѣе покайся:
Суровостямъ зимы тутъ въ осень подвергайся;
И строгій постъ храня во всѣ годичны дни,
Готовься жалобы выслушивать одни,
Что ты, въ глазахъ ея, и мотъ и расточитель,
Какого ни она, ни самъ ея родитель,

(* Извѣстный актеръ въ Парижѣ.

Блаженной памяти, не видѣлъ предъ собой —
Что скажешь? Не ужель ты думаешь со мной
Сказать: «Мученіе терпѣть не бывши сроденъ,
Сударыня, вотъ вамъ, все ваше — я свободенъ»
И тутъ разводъ....
Но свѣтъ? спокойствіе погибшее? но дѣти?...
И ты, какъ ни мечтай сіи расторгнуть сѣти,
Всечасно жалуясь предъ свѣтомъ и судьбой,
Въ терзаньи отъ нея, въ терзаніи съ собой,
Готовый въ участи завидовать злодѣю
И, къ ужасу всѣхъ золъ, жить будешь вмѣстѣ
съ нею.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ,

НА ПОЛУЧЕНІЕ ЭКЗЕМПЛЯРА ЕГО СТИХОТВОРЕНІЙ.

Желанный даръ изъ рукъ любимаго поэта,
Стань въ рядъ съ Державинымъ въ почетный
уголокъ;
Пусть ищетъ кто другой забавъ ничтожныхъ
свѣта:
Въ васъ сердца моего утѣха и урокъ!
При вашемъ имени о свѣтѣ забываю
И, силою благой Фантазіи влекомъ,
Въ міръ лучшій, въ міръ другой мечтой перелетаю,
Который лишь душамъ возвышеннымъ знакомъ —
Гдѣ все, что на земли возможетъ быть прелестно,

И радости небесъ для сердца прорицать,
Руною собрано Поэзіи чудесной —
Олимпъ, гдѣ жрецъ ея дерзаетъ обитать!
Туда меня, поэтъ, твой геній увлекаетъ....
О, если бы его имѣлъ я силу крилъ!
Вѣнецъ его въ лучахъ безсмертія сіяетъ:
Онъ лиру лишь добру и славѣ посвятилъ.
Пускай достоинства свѣтъ видитъ равнодушно;
Поэту ль отъ него отличія искать?
Пусть будетъ онъ сокрытъ отъ знатности без-
душной,
Пусть будетъ злость его и зависть помрачать:
Не знаетъ низкихъ средствъ души высокой сила;
Онъ будетъ лишь одно прекрасное любить;
Судьба его сама отъ смертныхъ отличила —
И чувствъ его ни что не можетъ измѣнить!
Завиденъ для меня путь избранный тобою,
Стезя, вѣдущая такъ близко до сердецъ;
Скажи, исполненный когда самимъ собою,
Страсть къ славѣ и добру, поэзіи мудрецъ,
Съ волшебной силою ты передать желаешь
И чувства упоить сей страстію благой —
Скажи мнѣ, не въ себѣ ль награду обрѣтаешь?
И высшій смертныхъ долгъ исполненъ ужъ тобой!
Ты любишь и поешь въ восторгѣ добродѣтель.
Кругъ мирныхъ дѣлъ пѣвца пускай судьба стѣ-
снитъ,
Но духъ его паритъ, величія свидѣтель,
И съ гордостью вѣнокъ достоинству даритъ.
Какъ живы для меня, поэтъ, твои картины!
Наставникъ въ коихъ твой, Натура, вся видна:

Сей вечеръ сумрачный, сходящій на долины,
И обаянія владычица, луна,
Что медленно взойдя въ среду небесъ обширныхъ,
Сребристою струей разсѣкла мрачный токъ,
Близъ коего одинъ, въ мечтахъ, при звукахъ лир-
ныхъ,
Ты внемлешь быстрыхъ лѣтъ катящійся потокъ—
И время отдаетъ тебѣ минувши годы,
Надѣяся тобой украсить въ мірѣ слѣдъ. —
О нѣжныхъ сердца чувствъ, поэтъ любви, природы!
Минуты сей восторгъ дороже многихъ лѣтъ!
Съ какою прелестью своей неизъяснимой,
Ты благъ утраченныхъ намъ кажешь скорбный
видъ!
Онъ, скрылся призракъ сей, во вѣкъ не возвра-
тимой,
Но живо моему онъ сердцу говоритъ!
И къ праху самому, духъ нѣжный, пламенѣя,
Мечтаніе предъ нимъ сліялось съ бытіемъ —
Я зрю: горитъ лучемъ столбъ блѣдный мавзолея —
И Геній внемлетъ гласъ при камнѣ гробовомъ!
Вѣрь: лучшій нашъ удѣлъ — сія страна мечтаній,
Гдѣ мысль, свободна узъ, полетъ свой соверша,
Бросаетъ свѣтъ на путь тернистый испытаній —
И чувствуетъ свое величіе душа.

ПЛОВЕЦЪ.

Въ бурю брошенный Судьбою
Тамъ пловецъ среди валовъ,
Въ мракѣ грозномъ предъ собою,
Безъ весла и парусовъ;

Духъ встревоженъ, сердце ноетъ.
Лучъ небесный, просвѣти!
Ахъ! кто скажетъ, кто откроетъ
Гдѣ конецъ его пути?

Тутъ ужъ вижу надъ пучиной,
Тамъ разитъ небесный громъ,
Бѣдный путникъ! знать, судьбиной
Ты къ погибели несомъ.

Страшно молнія віется
И зіяетъ дно пучинъ.
Чья рука къ нему прострется?
Промыслъ Неба! онъ одинъ.

Слышу гласъ, не зрю очами,
Гдѣ ты, гдѣ ты, край родной?
О, Судьба! скорѣй волнами
Отъ себя меня сокрой.

Укротилась влага бурна
И челнокъ летитъ стрѣлой....

Ясно смотритъ твердь лазурна
На сокрытаго волной.

П. А. Ш........У.

На смерть Т.....а.

—

Гдѣ онъ, Т... нашъ? гдѣ тотъ смиренный кровъ,
Подъ коимъ нѣжная насъ дружба принимала,
Гдѣ принужденія не зрѣлося оковъ,
И бѣдность свой союзъ съ довольствомъ заклю-
чала?
Куда кружокъ друзей, въ безвѣстной ихъ судьбѣ,
Для изліянія сердечныхъ чувствъ сбирался,
И часто разговоръ ихъ нѣжнымъ оживлялся
Участьемъ въ жребіи подобнаго себѣ;
Гдѣ, слѣдуя своимъ желаньямъ, разсуждали,
Читали, спорили, дѣлили шумный смѣхъ;
И если множества не видѣли утѣхъ,
Отъ скуки и заботъ сей жизни отдыхали.
Куда сбиралися совсѣмъ не по чинамъ,
Гдѣ дружбою у всѣхъ равнялися мечтанья,
И гдѣ по одному лишь сроку разставанья
Теченье времени примѣтно было намъ — —
Гдѣ онъ? скажи.... еще двухъ лѣтъ не совер-
шилось,
Какъ руку я его, прощаяся, сжималъ,
Какъ дружбы пламенемъ въ немъ сердце сильно
билось —

И взоръ надеждою увидѣться блисталъ!....
Я снова здѣсь! бѣгу съ мечтою сей пріятной,
Внезапной встрѣчею обрадовать его —
Вотъ дверь: стучу! — но что — какой отзывъ невнятной?
Онъ съѣхалъ.... весь отвѣтъ.... и болѣ ничего.
Вотще я вопрошалъ въ нѣмомъ его жилищѣ!
Его ужъ нѣтъ! — Къ тебѣ теперь склоняю взоръ —
Гдѣ слѣдъ его, скажи? иль здѣсь мы, на кладбищѣ,
Должны исчезнуть такъ, какъ легкій метеоръ?

ПѢСНЬ.

на торжественное бракосочетаніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны съ Его Королевскимъ Высочествомъ, Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ. *Января* 12 *дня* 1816.

Не Великую ль Судьбина
Возвратила съ горнихъ странъ?
Слышу гласъ: *Екатерина*!
Внемлю клики согражданъ!
Словъ драгихъ священны звуки,
Сколь знакомы вы сердцамъ!
Зрю, съ моленьемъ Россовъ руки,
Вознеслися къ небесамъ —
И средь радостной Полнощи,

Отъ конца ея въ конецъ,
Ѳебомъ свѣтится тма нощи —
Чистымъ пламенемъ сердецъ!

ХОРЪ.

Россы въ брани исполины,
Полны вѣрности къ Царямъ.
Повторять *Екатерины*
Сколь отрадно имя вамъ!

Не она ли въ видѣ Внуки —
Къ вамъ склоняетъ свѣтлый взоръ?
Та же страсть любить Науки,
Музъ небесныхъ слушать хоръ!
Марсовъ мечъ палъ подъ оливы,
И Петрополь весь цвѣтетъ;
Съ Женихомъ Ея счастливымъ
Гименей Ее ведетъ!

ХОРЪ.

О, чертогъ Царей избранный
И хранимый Божествомъ!
Процвѣтай навѣки славно
Православный Русскій Домъ!

Столько благости и силы
Не вмѣститъ въ себѣ весь свѣтъ;
Лишь могущи орли крилы
Отдохнули отъ побѣдъ,
Царь державною десницей
Миръ царямъ всѣмъ подаетъ,
И подъ свѣтлой багряницей

Мечъ въ ножнахъ его уснетъ!
Брань окованна, въ подвластье,
Повергается у ногъ;
Процвѣтай, народовъ счастье!
Онъ гласитъ, какъ мощный Богъ!

ХОРЪ.

Такъ, небеснаго чертога,
Царь посланникъ намъ благой!
И невѣрный вѣритъ въ Бога,
Повстрѣчаяся съ Тобой!

Сѣверъ полнъ къ *Екатеринѣ*
Благодарныхъ чувствъ всегда;
И на Югѣ вижу, нынѣ,
Востекла Ея звѣзда!
Соименница младая!
Будь во всемъ подобна Ей:
Вся Европа, обожая,
Повергалася предъ Ней.

ХОРЪ.

Взглядъ лишь молній—въ прахъ злодѣи!
Міръ дрожалъ во всѣхъ концахъ,
Ей, какъ лѣсъ, взросли трофеи
И на сушѣ и моряхъ!

Ты жъ, Любовію вѣдома,
Въ торжествѣ Любви самой,
Будь отеческаго Дома
И весельемъ и красой!
Сердцемъ Ты — Супругъ державой

Привлекайте сонмъ побѣдъ;
Ты любовію — Онъ славой
Очаруйте цѣлый свѣтъ!
Сильный Россъ, блюститель мира,
Міру ставитъ свой оплотъ:
Александрова порфира
Развилась, какъ неба сводъ!

ХОРЪ.

О, гряди, при ѳиміамѣ,
Съ Женихомъ передъ Творца!
Какъ кадильницъ огнь во храмѣ,
Такъ горятъ къ Тебѣ сердца!

Россовъ вслѣдъ Тебѣ моленье,
Ихъ обѣты къ небесамъ:
Александра поколѣнье
Передай другимъ вѣкамъ!
Вся Европа, въ восхищеньѣ,
Зритъ, Царевна, Твой вѣнецъ,
Россъ къ Царямъ въ благоговѣньѣ
Подалъ міру образецъ!

ХОРЪ.

Россы въ брани исполины!
Полны вѣрности къ Царямъ!
Повторятъ *Екатерины*
Сколь отрадно имя вамъ!

НА ВСЕРАДОСТНѢЙШЕЕ СРѢТЕНІЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Въ С. Петербургѣ, при шествіи Его въ Казанскій Соборъ. Іюля 14 дня 1814.

Не на торжественной, побѣдной колесницѣ,
Предъ коей цѣлый свѣтъ повергнуться бъ возмогъ,
Ты въ радостной Своей являешься столицѣ
Въ смиреніи — какъ Царь, въ величіи какъ Богъ.
Внемли, какъ вкругъ Тебя гремятъ народны клики,
Въ восторгѣ семъ срѣтай Твоихъ безсмертье дѣлъ!
Коль подданныхъ цари любовію велики,
Ты всѣхъ земныхъ владыкъ великость превзошелъ!
Отъ Бога избранный, и передъ Нимъ смиренный,
Во время торжества народовъ и царей,
Въ минуты радости Россіи вознесенной —
Ты все забыть спѣшишь у Творчихъ алтарей!
И мысли и дѣла Ему всѣ обречены!
О, сколь Онъ самъ Тебя, исполненный чудесъ,
И въ благости Своей, и въ гнѣвѣ сокровенный
По грозномъ опытѣ, во славѣ превознесъ!
Тогда, какъ гражданинъ, какъ ратникъ въ бранномъ строѣ,
Спасая насъ, Ты смерть безтрепетно срѣталъ,
Незрима длань Его являлась въ грозномъ боѣ:
И сильный, предъ Тобой, въ боязни трепеталъ!

И вспять побѣгъ, забывъ въ бояхъ стяжанну
славу!
Вселенная гроза развѣялась Тобой;
Ты благостью даришь враждебную державу,
И миръ и счастіе вездѣ несешь съ собой!
Не Богъ ли въ страшный мигъ всеобщія боязни,
Какъ съ участью страны обширныя Твоей,
Спрягались жребіи и смертныхъ и царей,
Крѣпилъ Твой бодрый духъ — и полнилъ чашу
казни . . . .
И палъ тирана тронъ! — Какъ молнія — протекъ
Свободы, славы гласъ отъ Сейны до Дуная.
И восхищенный міръ, Тебя благословляя,
Спасителемъ своимъ и мстителемъ нарекъ!
Гряди о, Царь-Отецъ! склонись отъ битвъ къ
покою —
И въ свѣтлу радугу перунъ Твой обрати!
Самъ Вышній, видимо присутственный съ Тобою,
Поставилъ здѣсь Тебя законъ Его блюсти!
Гряди . . . . во слѣдъ Тебѣ, я вижу въ восхищеньѣ:
Свобода общая, довѣренность людей —
Ликуютъ на землѣ Покой и Просвѣщенье,
И стонетъ шумный Понтъ подъ ношей кораблей!
Ты съ миромъ намъ несешь блаженство сово-
купно;
Премудрость, Истина, во слѣдъ Тебѣ текутъ
У трона Твоего быть стражей неотступно,
И грянутъ звуки Лиръ! и Музы воспоютъ!
Внимай, внимай ихъ гласъ! онъ чистъ и безпри-
страстенъ,
Онъ яда не таитъ ласкателей въ себѣ —

И можетъ ли языкъ быть лести сопричастенъ,
Когда онъ говоритъ о Богѣ и Тебѣ?

КЪ И. М. Ф.....У.

НА ВЫЗОВЪ ЕГО ПРОДОЛЖАТЬ МОИ САТИРЫ.

Ты требуешь, мой другъ, чтобъ я на лирѣ снова,
Тѣснимъ отъ злыхъ заботъ, хотѣлъ еще брядцать
И дерзостный порокъ безстрашно обличать;
Тебѣ покорствовать рука Пѣвца готова!
Но что, скажи, за цѣль, въ стремленіи такомъ?
Мнѣ сдѣлать каждаго читателя врагомъ?
Довольно безъ того въ сей жизни огорченья!
Свѣтъ бѣденъ въ знатокахъ хорошаго творенья.
Вотще у насъ пѣвцы соревнованья ждутъ,
Ихъ публики давно убилъ холодный судъ.
Кто чтитъ Державина превыспренне паренье,
Россійской Музы честь — и Лиры украшенье,
Тотъ скажетъ: брось перо, или равенъ будь ему,
Прочтя его, дамъ судъ таланту твоему;
А кто, небесныхъ тайнъ Поэзіи не знаетъ,
Въ комъ сердце, при его струнахъ, не постигаетъ,
Что можетъ человѣкъ, что чувства значатъ въ насъ,
Кому знакомъ одинъ *Безмыслова* Пегасъ,
Для тѣхъ и безъ меня поэтовъ тма способныхъ:

Не ищетъ мой талантъ похвалъ простонародныхъ!
Ты скажешь: а друзья? которы въ тишинѣ
Съ Гораціемъ тебя ласкаютъ наравнѣ,
И Музѣ скромной въ даръ вѣнокъ отъ нихъ плетется....
Ахъ, дружба рѣже всѣхъ съ поэтомъ уживется!
Въ томъ лесть, ласкательство, а въ этомъ приговоръ,
Отъ коего моей пылаетъ Музы взоръ,
Тотъ, изъ любви ко мнѣ, душитъ въ нравоученье,
Что страсть къ Поэзіи есть къ пагубѣ стремленье,
Что должно бросить все, чтобъ съ низкой я душой,
Въ презрѣньи ползъ къ чинамъ презрительной тропой,
Чтобъ чувствъ небесныхъ жаръ, души моей свѣтило,
Я въ низкое вмѣнилъ страстей людскихъ кормило,
Къ *Рубеллію* ненависть въ почтенье обращалъ,
И въ зеркалѣ красой уродство бы казалъ!....
Сей, въ простотѣ ума, избравъ себя судьею,
Въ глаза мои стихи зоветъ галиматьею,
И тѣ, кѣмъ одобрять талантъ бы слабый мой,
Я часто слышу, чтутъ Поэзію чумой;
Въ сомнѣніи такомъ, скажи, могу ль рѣшиться,
Что мой ничтожный даръ на что-нибудь годится?
Безъ чувства согражданъ едва ли бы посмѣлъ
Къ безсмертію Гомеръ и къ славѣ Пракситель —

Не оскорблю тебя, о Пиндаръ нашъ единой!
Сказавъ, что данъ полетъ тебѣ *Екатериной;*
Она великій даръ въ душѣ твоей зажгла
И съ Музою твоей къ потомству перешла!
Но ревность къ Геніямъ, безъ смѣлости и дара,
Вновь пагубу явитъ несчастнаго Икара;
Что можетъ горестнѣй быть участи пѣвца —
Дивиться — и не смѣть достичь до образца!
Такъ часто вижу я художника съ терзаньемъ,
Передъ единственнымъ Богини изваяньемъ,
Ломающа рѣзецъ по тягостной борьбѣ,
Всю силу чувствуя безсилія въ себѣ.
Скорѣй совѣтуй мнѣ, чуждъ лести и сомнѣнья,
Чтобы, напрасныя оставивъ покушенья,
Я уклонился Музъ въ ничтожности моей,
Которымъ жертвовалъ безплодно цвѣтомъ дней,
Для коихъ пренебрегъ, исполненъ ихъ отравой,
Какъ юность пылкая стремилась въ слѣдъ за Славой,
И Брани и Честей блистательный доспѣхъ —
Для коихъ я бѣжалъ плѣнительныхъ утѣхъ,
Которы радостно чело другихъ вѣнчали! —
Для нихъ сокрыты дни въ трудахъ перепадали,
И Скорбь ихъ сблизила безвременный закатъ;
Мой Геній подавленъ подъ бременемъ утратъ!

НА ИСТРЕБЛЕНІЕ НАПОЛЕОНОВЫХЪ АРМІЙ ВЪ РОССІИ.

—

Ты грянулъ наконецъ съ высотъ Твоихъ небесъ:
И побѣдитель Россъ! — и міра страхъ исчезъ!
Гдѣ злобныхъ полчища? гдѣ ихъ несмѣтна сила?
Чудесныя весь свѣтъ исполнился молвы:
От *Вислы* до *Москвы*,
Ихъ страшная могила!

Онъ шелъ, народовъ бичъ, свирѣпый сынъ войны,
Могущество потрясть Россійскія страны,
Полсвѣта въ кругъ его въ развалинахъ пылало,
Полсвѣта, въ слѣдъ за нимъ, текло ее разить:—
Но Россовъ покорить —
Еще полсвѣта мало!

Познalъ — и вспять побѣгъ, спасая жизнь свою;
Не обольстишь сердецъ, приверженныхъ къ Царю;
На гласъ его: *къ войнѣ!* все бросило жилища:
Вступя въ предѣлы ихъ, какъ волкъ на хитрый ловъ,
Ты раздраженныхъ львовъ
Коснулся логовища!

Шагъ каждый тамъ тебѣ явилъ ужасный бой,
Тамъ каждый селянинъ сразился какъ герой,
Ты зрѣлъ ихъ: страшна месть къ тебѣ ихъ приводила,
На лицахъ ихъ читалъ рѣшимость, крѣпость силъ,

И видъ ихъ говорилъ:
Тебѣ иль мнѣ могила!

О подвигъ мщенія, плѣняющій сердца!
Десница мощная Героя и отца
Тамъ въ брань ведетъ сыновъ, едва расцвѣтшихъ
къ жизни,
И отрокамъ своимъ вѣщаетъ грозно мать:
Спѣшите умирать
Въ спасеніе отчизны!

Гдѣ твердости найду подобной я примѣръ?
Ты къ храмамъ Вышняго коснулся, изувѣръ,
Съ сѣкирой и огнемъ. . . . и тамъ ихъ слава нова:
Священны пастыри съ геройскою душой
Падутъ передъ тобой
У алтаря Христова!

Не въ силахъ преклонить великость ихъ сердецъ,
Ты веси истреблялъ и грады наконецъ,
Чтобъ въ нихъ истаевать съ отчаянья и злобы: —
Не славу, не корысть узрѣлъ ты, хищный, въ
нихъ: —
Одни несчетны гробы
Сопутниковъ твоихъ!

Какъ Фурія, твой вождь, возликовала яра
Пустынныя Москвы средь страшнаго пожара,
Ты жребій свой позналъ — что грабить лишь и
жечь
Удѣломъ для тебя назначила природа,

А не сердца привлечь
Счастливаго народа!

Тогда въ тиранѣ страхъ до сердца досягнулъ
И страшный мечъ его впервые отдохнулъ!
Недвижны полчища, какъ тигры, средь забрала,
Въ оцѣпенѣніи узрѣли близку казнь —
И съ гладомъ ихъ боязнь
Тамъ *мѣсяцъ* пожирала.

Ни вѣры Россіянъ, ни вѣрности къ Царю
Не могъ поколебать ты въ хладномъ ихъ краю;
Вотще на нихъ текла твоя ужасна сила —
Еще ли не позналъ ты Россовъ дивну мощь?
Враговъ ихъ зрѣла нощь —
Заря не освѣтила!

О. вы, спасители отеческой страны!
Сколь жребіи для васъ возвышенны даны!
Рѣшить судьбину царствъ мгновенно ополчились,
Васъ въ бранной красотѣ узрѣлъ съ надеждой
свѣтъ:
Нагрянули — сразились —
Гдѣ мнимый богъ побѣдъ?

Содрогся наконецъ — о похититель трона!
Любовью лишь тверда Властителя корона.
На Сѣверѣ тому ты видѣлъ образецъ,
Тамъ въ бѣгствѣ ощутилъ, сколь страшенъ бой
неправый,
И на челѣ, кровавый,
Потрясся твой вѣнецъ! . . . .

Герой! Россіи щитъ! во браняхъ искушенный,
Екатериною ко Славѣ обреченный!
Отъ горнихъ мѣстъ Она, на сонмъ твоихъ по-
бѣдъ
Склонясь, какъ Божество, надъ милой Ей страною,
Избавленну тобою
Россію зритъ отъ бѣдъ!

«Остатокъ счастливый, гласитъ, моей державы,
«Сколь новый для тебя открылся подвигъ Славы!
«Я счастье моего народа создала,
«Полвѣка для его трудилась возвышенья,
«А длань твоя спасла
«Его отъ пораженья!»

Кутузовъ! торжествуй! сей гласъ Россіи всей
Перуномъ прелетитъ до отдаленныхъ дней!
Съ слезами о тебѣ потомокъ вспомнитъ позд-
ный,
И ты отмстителемъ Россіянъ нареченъ,
О щитъ Петровыхъ стѣнъ,
О Витгенштеинъ грозный!

Могущи мстители обширныхъ Русскихъ странъ:
Такъ древле Фабіи спасали согражданъ!
Въ ничто вмѣняя жизнь, вашъ вождь передъ пол-
ками,
Во брани посѣдѣвъ надъ гибелью враговъ,
Какъ грозна месть боговъ
Протекъ межъ ихъ рядами!

Вотще въ побѣгѣ мнятъ спасеніе найти:
Ихъ настигаетъ смерть — и смерть ихъ ждетъ впреди!
Въ крови, истерзаны, склоняютъ рабски выи,
Тамъ гладъ, здѣсь лютый мразъ стрегутъ среди дорогъ:
За Россовъ правды Богъ,
За Россовъ и стихіи!

О, сколь ужасный видъ представился очамъ:
Тамъ вживѣ, снѣдь могилъ, простерлись по снѣгамъ!
Вотще послѣдній гласъ къ отчизнѣ обращаютъ —
О, жалкія толпы тмочисленныхъ племенъ!
Вотще и чадъ и женъ
Васъ вопли призываютъ! . . . .

Погибли! — слѣду нѣтъ! самъ лютый вождь бѣжитъ —
И съ воемъ тѣней полкъ во слѣдъ его летитъ!
Отринута надъ нимъ небесъ благихъ пощада!
Вздымаются власы — стопы его дрожатъ —
И, страшные, трещатъ
Подъ нимъ заклѣпы ада!

О, Промыслъ всеблагій! сколь непостиженъ Ты!
Не гибелью ль его горѣли всѣ слѣды?
Не онъ ли ликовалъ среди несчетныхъ боевъ?
Днесь маніемъ Твоимъ, къ спасенью всей земли,
Мнѣ зрится: потекли
Полки россійскихъ воевъ!

А вы, кого изъ нихъ постигнулъ смертный сонъ,
О Кульневъ, Багговутъ, и ты, Багратіонъ,
О жертвы славныя! ликуйте въ горней сѣни,
Сколь многіе пришли о мести вамъ вѣщать:
Тамъ будутъ васъ дрожать
Враговъ несчетны тѣни!....

Внемлите всѣ страны! познай о смертныхъ родъ!
Что можетъ твердый Царь и ревностный народъ!
Надъ Александромъ самъ вселенныя Содѣтель,
Громами ополчась, щитъ крѣпости простеръ,
И въ Немъ, царямъ въ примѣръ,
Вѣнчаетъ добродѣтель! —

НАДПИСЬ

къ бюсту Его Императорскаго Величества благочестивѣйшаго Государя Александра Павловича.

Имъ Свѣту низложенъ грозившій истуканъ —
И царствамъ прежняя возвращена свобода;
Онъ благостью, въ Свой вѣкъ, возвысилъ царскій санъ:
Любимецъ и Отецъ великаго народа!

ПОСЛАНІЕ КЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦАМЪ.

О вы, которые, въ убожествѣ своемъ,
И грады пышные и царства богатите,
Въ повиновеніи безмолвномъ и благомъ,
Для пользы общей, дни, сокрытые, стремите....
Я ваши пѣть хочу полезные труды: —
Въ нихъ жизнь сокрыта царствъ, ихъ счастье и
свобода!
Они источники ихъ гордой высоты,
И ими самая красуется природа.
Не вы ль пустынный видъ и дебрей и степей,
Гдѣ зрится намъ она упорной и скупою,
Одѣявъ злачныхъ нивъ блестящей красотою,
Плодоносящими творите для людей?
Не вашей ли рукой, среди весны и лѣта,
Она красой полей, долинъ оживлена,
Въ убранствѣ жатвъ златыхъ блистательно одѣта,
Не ею ль намъ несетъ дары свои она?
Не вы ль, поя луга и утучняя нивы,
Ввѣряя въ каждомъ имъ зернѣ сторичный плодъ,
Стирая горъ хребты, стѣсняя водъ разливы,
Сокровищамъ ея даете новый ходъ?
Сопутники въ ея щедротахъ неисчетныхъ,
Пріявъ обильную награду за труды,
Вы учитесь у ней раздѣлу благъ несмѣтныхъ —
И такъ же, какъ она, даятели безъ мзды!
Поклонники Творца, не хвалъ въ гремящемъ
ликѣ —
Ему поете пѣснь. Вы знаете, хвала —

Достойная Его — не въ гласѣ, не въ языкѣ,
Но сердца простота и добрыя дѣла.
Прямые мудрецы, разсудка изощренье
Не покупаете вы порчею сердецъ,
Для непорочныхъ чувствъ сей терній и волчецъ:
Отецъ ему — развратъ, а чада — заблужденья!..
Пусть свѣта мудрые придутъ учиться къ вамъ
Точнѣе умствовать, полезнѣе трудиться,
Несчастные узнать конецъ своимъ бѣдамъ,
Какъ въ мирѣ и съ собой, и съ участью ужиться,
Всѣ недовольные — покорности къ Судьбѣ.
Сколь часто въ кротости я зрѣлъ васъ терпѣливой.
Сколь часто у одра недуга и скорбей,
Стенящихъ обрѣталъ, и, сердца къ услажденью;
Влекомыхъ къ тайному васъ зрѣлъ благотворенью
Лишь пламенной къ добру любовію своей!...
Сколь счастливъ для меня кто вамъ во всемъ подобенъ,
Свои безвѣстны дни проводитъ въ тишинѣ,
Кто, столько же, какъ вы, и кротокъ и незлобенъ,
Согласья и любви пьетъ радости однѣ;
Тогда какъ рушатся, дробимые грозою,
Великолѣпные чертоги богачей,
Онъ не страшится бурь, бывъ самою судьбою
Укрытъ и охраненъ въ обители своей.
Ахъ, еслибъ вашъ Пѣвецъ, подъ вашимъ мирнымъ кровомъ,
Утраченный покой, довольствіе сыскалъ,
Онъ жизни бъ каждый мигъ срѣталъ въ восторгѣ новомъ,

И участи владыкъ вѣнчанныхъ не желалъ!
Вѣдомъ Природою, наставницей неложной,
Не зналъ бы ни суетъ, ни гибельныхъ страстей,—
И, если счастія достигнуть здѣсь возможно,
Онъ вѣрно бы къ нему ближайшей текъ стезей.
Друзья моей души! гдѣ вѣкъ Астреинъ зрится,
Въ обычаяхъ благихъ наслѣдіи отцовъ,
Пусть жизнь моя средь васъ, безвѣстная, стремится,
И лиры гласъ поетъ васъ, дружбу и любовь! —
Тогда, какъ роскошь спитъ средь нѣги ухищренной,
И смерть, сокрытую въ бездѣйствіи, піетъ,
Вашъ духъ ужъ бодрствуетъ, зарею пробужденный,
И чувства въ даръ Творцу хвалебныя несетъ!
Когда она, возставъ, средь лѣни снова дремлетъ
И сладостныхъ трудовъ не знаетъ для себя, —
Съ какой охотою, весельемъ, онъ пріемлетъ
Плугъ въ руки — и браздитъ родимыя поля!
Въ часъ ясныя весны и лѣта въ полдень знойной,
Въ безпечности златой, склонившись отъ труда,
Васъ ждетъ часъ отдыха, сонъ крѣпкой и спокойной,
Который для нея не сладокъ никогда;
Съ румяной осенью надежды совершенье
И вашихъ плодъ трудовъ спѣшатъ утѣшить васъ;
Царямъ не столько царствъ пріятно покоренье —
Какъ вамъ, нивъ первенецъ, златый и зрѣлый класъ! —
Ужъ злаки полные отъ тяжести склонились —

На жатву! пусто всё! младенецъ и старикъ, —
Все ожило къ трудамъ, всѣ въ полѣ устремились,
Ужъ дебри огласилъ жнецовъ веселый кликъ!
По нивамъ блещетъ серпъ въ рукахъ разнообразныхъ, —
Тотъ жнетъ, тотъ вяжетъ снопъ, тотъ въ кучу ихъ кладетъ,
Тотъ, съ скрипомъ, въ житницы возы свои ведетъ;
На сей всеобщій пиръ сонмъ юныхъ благъ, прекрасныхъ,
Мать нѣжная несетъ — Природа чадамъ въ даръ.
Тамъ, въ краткій день зимы, труды опять готовы,
Собравшись, отдѣлять отъ класовъ зерны новы,
И вторитъ, по токамъ, созвучный цѣпъ ударъ! —
Но можно ль сосчитать, друзья мои любезны,
Всѣ ваши радости, занятія, труды,
Въ которыхъ вы всегда для общества полезны?
А тамъ — настали игръ пріятныя чреды:
Въ часъ вечера, какъ Ѳебъ, едва, едва примѣтенъ,
На небѣ сумрачномъ, въ мерцающихъ лучахъ,
И рѣзвыя, давно, овечки во дворахъ, —
Собравшись подъ навѣсъ старикъ и малолѣтенъ,
Сонмъ юношей и дѣвъ, въ молчанье погрузясь,
Преданье давнихъ лѣтъ внимаютъ въ восхищеньѣ,
Иль, въ легкій хороводъ, всѣ вкупѣ сплетясь,
И славятъ и поютъ дней скрытыхъ наслажденье!
А тамъ — гдѣ устремленъ въ восторгѣ взоръ пѣвца —
Для душъ чувствительныхъ прелестная картина!

Мать нѣжная, прижавъ къ румянымъ персямъ
сына,
У вратъ привѣтствуетъ веселаго отца!
Невинность милая, съ улыбкою счастливой,
Руками оплетясь вкругъ матерней груди,
Ея срѣтаетъ взглядъ умильный, торопливой,
Какихъ отъ давнихъ лѣтъ въ столицахъ не
найти!....
И свѣта и суетъ и почестей въ забвеньѣ,
Къ которымъ происки возводятъ въ немъ одни,
Пускай, презрѣвши все, въ моемъ уединеньѣ
Я принесу лишь вамъ и Музамъ дни свои!
Давно ихъ славою блистательной плѣненный,
Труды мои для нихъ единыхъ посвящу;
Уже ль сей участи завидной и блаженной,
Я въ свѣтѣ что-нибудь возвышеннѣй сыщу?
Пусть кончу дни мои спокойные межъ вами;
Природы нѣжный сынъ въ рукахъ ея уснетъ —
Тамъ жизнь отрадную, хранимую богами,
Безсрочно ни болѣзнь, ни ядъ не пресѣчетъ.

БЛАЖЕНСТВО.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Увы! съ какою быстротою,
Сокрылся сей счастливый мигъ,
Какъ съ страстною моей душою

Я, Нина, пламенѣлъ въ объятіяхъ твоихъ! . .
Какъ сердце у тебя въ восторгахъ замирало,
И розою лице стыдливости пылало!....
Блаженъ, блаженъ стократъ,
Кто, руша всѣ преграды,
На ложѣ роскоши, возлюбленной объятъ,
Вкушаетъ въ полнотѣ любови всѣ отрады!
Онъ скорбный міръ забылъ, восторгомъ упоясь.
То, взорамъ обнажить прелестну грудь стремясь,
Подобну снѣгу бѣлизною,
Онъ робкой медленно рукою
Дѣлитъ покрововъ тонкихъ связь; —
И, полными гордясь
Лилѣйными холмами,
Лишенная своихъ защитъ,
Подъ страстными его устами,
Она твердѣетъ и горитъ!....
То станъ ея рукой роскошною обнявши,
Который у самой Киприды похищенъ,
И поясъ, средь забавъ, украдкой развязавши,
Смущеньемъ красоты робѣющей плѣненъ,
Онъ пламенно уста стыдливыя лобзаетъ
И тихое на нихъ роптанье умираетъ!
Чья участь на земли съ счастливцемъ симъ равна?
Онъ медлитъ посреди сердечныхъ упоеній,
И чашу восхищеній
По каплѣ пьетъ до дна!
О, Нина, о мой другъ, пребудь всегда со мною!
Смятеніе любви! плѣнительный покой,
Который слѣдуетъ за счастья полнотою!
Пусть нѣжною моей развѣяны рукой,

Въ сей милой простотѣ, любовью расплетенны,
Волнуются твои прелестные власы,
И легкій твой покровъ, Эротомъ похищенный,
Не кроетъ отъ меня стыдливыя красы!
О Нина' вся цѣна дней нашихъ въ наслажденьѣ,
И райское одно мгновенье,
Когда, въ восторгѣ мы своемъ,
Небесное о всемъ
Забвеніе піемъ —
Годичныхъ есть заботъ и бѣдствій услажденье!
Жизнь смертныхъ горести отравою полна:
Любовію одной красуется она.
Восторги первыхъ встрѣчъ, горящи лобызанья,
Волненія души, любви очарованья!
Оставить должно свѣтъ,
Когда васъ болѣ нѣтъ!....

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛУЦИЛЛІЕВОЙ САТИРЫ ПРОТИВЪ ЕГО ВѢКА.

(Сатира шестая.)

—

Какія времена! какое ослѣпленье!
За злато плебеи вступаютъ въ знатный санъ,
Берутъ достоинствъ мзду и кроютъ преступ-
ленье!
Весь Римъ — софистовъ сонмъ! нѣтъ истинныхъ
гражданъ!

Гдѣ древнихъ праотцевъ прямое превосходство,
Ихъ въ браняхъ храбрый духъ, ихъ неизмѣнный нравъ,
Ко Славѣ, Истинѣ любовь и благородство?
Все пало, все падетъ! таковъ Судебъ уставъ!
О, миръ, довольствіе, народа благоденство!
Весь градъ огнемъ вражды мятежной воспаленъ,
И отрокъ, слабыхъ силъ, владыкой нареченъ!
Изображу ль семействъ печальную картину?
И тамъ порокъ возжегъ погибельный раздоръ.
Подвластныхъ ли возьму несчастную судьбину,
Къ владычеству ль простру свой огорченный взоръ:
Вездѣ лишь ищутъ пользъ, другихъ къ вреду и стону,
Вездѣ лишь сильному предстательство и кровъ;
Суды — суть торжища, судьи — враги закону,
Безчестьемъ оскверненъ и самый санъ жрецовъ.
Гдѣ Рима древняго величіе и сила?
Почто не обращенъ мгновенно онъ во прахъ?
Здѣсь прелесть слабыхъ женъ порфиры блескъ затмила,
Тамъ стыдъ властителей, тамъ воевъ низкій страхъ....
Гдѣ любомудрый взоръ, стрегущій судъ и брани?
Тамъ знатный родъ возвелъ надменнаго глупца
Въ священный санъ вождя, далъ мечъ и жезлъ во длани,
И чтитъ достоинствомъ гражданскаго вѣнца!
О, участь жалкая! умовъ порабощенье!
Въ могилѣ хладной я почто еще не скрытъ?

Ахъ, лучше бы меня боговъ постигло мщенье,
Чѣмъ Римлянъ чувствовать и бѣдствіе и стыдъ!
Оплачемъ, граждане, нашъ жребій униженный,
Я видѣлъ.... о, почто очей былъ не лишенъ,
Нашъ сильный легіонъ, коварствомъ подкупленный,
Безъ браней. безъ побѣдъ повергшійся во плѣнъ!
Я зрѣлъ и алтарей и жатвъ опустошенье,
Я зрѣлъ оратая, среди его трудовъ,
Безъ силы, безъ надеждъ, съ отчаяньемъ боренье!
Я зрѣлъ, при пышности вельможескихъ дворовъ, —
Какъ въ мигъ, ихъ алчности въ угодность, исчезало
Терпѣніе и трудъ чрезъ цѣлый рядъ годовъ,
Какъ Истину и Честь изгнанье осрамляло!
Я зрѣлъ.... Отечество! красу твою и щитъ,
Героевъ средь смертей себя на жатву несшихъ,
И, возвратясь къ тебѣ, о срамъ, о вѣчный стыдъ!
Презоръ и нищету и гладъ себѣ обрѣтшихъ!
Я зрѣлъ — и скорби мракъ мой духъ отяготилъ.
Оставимъ все, о вы! для коихъ предковъ слава,
Еще въ душахъ жива, еще сердецъ отрава —
И будетъ Римъ искать.... среди однѣхъ могилъ.

КЪ А. П. Б...ОЙ,

О приличіи стихотворства прекрасному полу.

Природа въ щедрости для чадъ своихъ равна,
Пристрастнаго въ дарахъ не вѣдаетъ раздѣла,

О милый, нѣжный Поль! уже ль исключена
Навѣкъ изъ твоего Поэзія удѣла?
Кто смѣетъ сей хулой Музъ чистыхъ порицать?
Въ прелестномъ ликѣ Дѣвъ мы ихъ изображаемъ,
Въ нихъ мудрость мы спѣшимъ Природы созер-
цать,
Красу боготворимъ, Любовь ея срѣтаемъ;
Сей даръ божественный, сей всѣхъ даровъ вѣнецъ,
И въ трепетъ и въ восторгъ духъ пылкій при-
водящій,
Сокровище умовъ, веселіе сердецъ,
Гласъ нѣжныя души со струнъ златыхъ летящій;
Уже ль, въ рукахъ у нихъ, не долженъ насъ плѣ-
нять?
Отъ тѣхъ — у коихъ власть сердцами обладать?
Имъ трогать и учить Гармоніи небесной!
Всесовершенное твореніе Творца,
Гдѣ больше дивенъ Онъ какъ не въ душѣ пре-
лестной,
Сіяющей въ чертахъ прелестнаго лица?
Въ нихъ сердце нѣжное, любови нѣжной полно,
Отъ тщетныхъ замысловъ, кичливости свободно;
Въ нихъ дышутъ тишиной и кротостью уста,
И брани не мрачитъ ихъ грозная мечта;
Жаръ мщенія въ крови ихъ къ битвѣ не взы-
ваетъ,
Улыбка на устахъ всю власть ихъ охраняетъ —
И непорочности прелестный, милый видъ,
Не сходитъ никогда съ ихъ дѣвственныхъ ланитъ;
Какъ звѣзды ясныя, возженныя въ тмѣ ночи,
Спокойствіемъ блестятъ отверзтыя ихъ очи,

Чья грудь, алтарь любви, святилище красотъ,
Небесныхъ полнится и чувствій и добротъ: —
Любови матери повѣрена ей сила!

О ты, которая мнѣ мысль сію внушила,
На лирѣ оправдать Пѣвицъ высокій санъ,
Въ которую съ небесъ даръ истинный вліянъ,
Которой пѣсни я внимаю съ восхищеньемъ,
И Музъ самихъ плѣненъ въ нихъ чистымъ вдох-
новеньемъ,
О Сафо, нашихъ дней! которой столько разъ,
Восторга въ полнотѣ, я строилъ лирный гласъ,
Ты, возлюбившая тернистый путь Науки —
И лиры кроткіе, плѣнительные звуки,
Охоту сродную чувствительнымъ сердцамъ!
Съ завидной славою послѣдуя пѣвцамъ,
Ты ль хочешь, чтобы вновь, въ своемъ талантѣ
скудный,
Я подвигъ твой воспѣлъ единственный и труд-
ный?
Что можетъ для тебя простой усердья жаръ?
Когда бъ меня живилъ Творцовъ великихъ даръ,
Когда бъ ихъ высилъ духъ, ихъ чувство оживл-
ляло,
И сердце бъ, какъ твое, добротою пылало,
Тогда бъ я волю далъ стремленіямъ своимъ:
И пали бы пѣвцы предъ образомъ твоимъ!

Кто можетъ оградить въ занятіяхъ полъ
нѣжный?
Жена, краса семействъ и ихъ оплотъ надежный,
Ведущая съ собой супруга въ мирный домъ
Веселье, тишину, согласіе, блаженство,

И юныхъ милыхъ чадъ, ласкаемыхъ отцомъ,
Жена, вѣнецъ добротъ, рукъ Творчихъ совершенство, —
Кто можетъ болѣе любовію дышать?
Чье сердце съ матернимъ возможно въ ней сравнять?
Кто больше усладитъ горящаго супруга,
Скорбящаго въ трудахъ, иль въ сладкій часъ досуга?
Кто лучше чувствовать умѣетъ и любить,
И нѣжности для словъ искусство находить?
Въ чьихъ болѣе устахъ красуется даръ слова?
Наука скучная не столько въ нихъ сурова,
Имъ всѣхъ приличнѣе ученіе сердецъ:
Имъ путь до нихъ знакомъ, въ нихъ сердце — образецъ!
Иль дѣва юная, съ свободою безцѣнной,
Съ счастливою душой, къ страстямъ не прилѣпленной,
Не вѣдая тоски семейственныхъ заботъ,
Ни сердцу тягостныхъ неволею работъ,
Вступая сверстницъ въ кругъ, весельемъ оживленныхъ,
Чему отдастъ часы временъ своихъ блаженныхъ?
Пусть, нѣжный гласъ сліявъ съ цѣвницею златой,
Поетъ своей души и радость и покой,
Пускай, счастливая, она обворожаетъ
И ту, что въ цвѣтѣ дней, и ту, что отцвѣтаетъ,
Поетъ незлобіе и прелесть юныхъ лѣтъ,
И въ свой подругъ своихъ влечетъ завидный слѣдъ!

Поэзія души и органъ и зерцало.
Пусть снимутъ съ красоты невинной покрывало,
Пусть блещетъ — и разитъ страстямъ подвластный міръ!
Пусть юношей плѣнятъ своихъ игрою лиръ,
Изъ сердца гонятъ ядъ наклонности порочной —
И свѣтлый блескъ дадутъ красѣ своей непрочной!
А та, чей помраченъ любовью свѣтлый взоръ,
Въ которой изрекло свой сердце приговоръ,
Пускай съ подругою ея, уединеньемъ,
Плѣняетъ насъ души таинственнымъ бореньемъ,
Блаженствомъ полнитъ грудь, поетъ счастливу страсть;
И милаго зоветъ къ стопамъ ея упасть;
Или, всю волю давъ душѣ своей прельщенной,
Намъ славитъ поцѣлуй впервые полученной.
Любовь, сама любовь таится будетъ тамъ
И съ дланію летать по пламеннымъ струнамъ!
Пусть та, для коей скорбь послало Небо гнѣвно,
Кто въ мірѣ сирота, чье сердце разлученно,
Ждетъ дружества къ себѣ отрадныхъ слезъ на грудь,
И скорбный пѣснію цвѣтитъ еще свой путь.
О, если бъ лирамъ Музъ коснулись длани Грацій!
Цѣвницу бъ дивную повергъ свою Горацій,
И самъ бы пѣсней царь, божественный Омиръ,
Впоривъ и взоръ и слухъ, забылъ творить свой міръ!
Такъ ты, плѣнившая мой слухъ своей игрою,
По тягостной борьбѣ съ трудами и судьбою,
Привлекшая къ себѣ почтителей соборъ,

Склонила на себя Монарха щедрый взоръ *),
(Еще ль, Отечество, я буду справедливо
Сію талантамъ дань считать въ тебѣ за диво ?)
Веселіемъ однимъ питаться намъ нельзя,
Плодъ отдыха — оно, съ трудомъ лишь обитаетъ,
Въ немъ къ наслажденію сокрытая стезя,
Душа въ ней пищу зритъ, безъ коей угасаетъ.
Какъ роскошь строитъ пиръ, и хитрою рукой
Для чувствъ изнѣженныхъ готовитъ пресыщенья,
Мракъ ночи обратя въ блестящій свѣтъ дневной,
И бодрствовать зоветъ средь обща усыпленья;
Какъ сонмъ твоихъ подругъ, составя свѣтлый строй,
Поклонниковъ своихъ предводитъ шумный рой;
Иль, съ громомъ звонкихъ арфъ, по яркости паркета,
Въ хоръ рѣзвый соплетясь, кружится до разсвѣта:
Какъ скука, спутница сердечной пустоты,
Сгоняетъ съ ихъ чела веселія мечты,
Какъ тайная тоска въ груди ихъ утомленной,
И жажда вѣчная въ душѣ ненасыщенной,
Какъ ходитъ имъ во слѣдъ, коварство, клевета,
И злоба полнитъ ихъ злословіемъ уста,
Какъ жалкіе сіи рабы суетъ стремятся
Прискорбіе скрывать, веселыми казаться, —
Ты, цѣну чувствуя веселья и трудовъ,
Приносишь вѣрный имъ раздѣлъ своихъ часовъ,

---

*) Здѣсь разумѣется Высочайше пожалованный ей пенсіонъ Государемъ Императоромъ.

То сердце нѣжное забавой услаждаешь,
То душу, алчную къ познаніямъ, питаешь —
И радость, презря ихъ кичливый, скучный сонмъ,
Таится у тебя, обнявшися съ трудомъ.
Твой въ одиночествѣ духъ кроткій, просвѣщенной,
Ни скуки, ни тоски не зритъ уединенной,
Властитель надо всѣмъ — всеобщій гражданинъ —
Онъ носитъ все съ собой и вѣчно не одинъ.
И въ сладкой часъ трудовъ, и въ мигъ златыхъ мечтаній,
Сихъ чадъ спокойствія, души очарованій,
Когда, вознесшися въ міръ горній, въ міръ боговъ,
Она не чувствуетъ земныхъ своихъ оковъ,
Сліявъ протекшее, грядуще межъ собою,
Вся полнится, живетъ единою мечтою;
Съ ней сладость прежнихъ благъ, съ ней сонмъ ея друзей,
Знакомый для нея, незримый для очей!
Вездѣ сокровище души твоей съ тобою.
Въ восторгѣ ли пѣвцовъ плѣняешься игрою:
Вы, коими во мнѣ живится скорбный духъ,
О славные пѣвцы! о дней моихъ отрада!
Которыхъ въ день читать и въ ночь читать ты рада,
Уже я предъ тобой ихъ зрю безцѣнный кругъ:
Тамъ Бардъ полночныхъ странъ, Россіи въ мощны лѣты
Поющій блескъ ея и блескъ Елисаветы;
Тамъ, сыплющій со струнъ въ сердца восторга жаръ,

О, сколько для меня его возвышенъ даръ!
Ширяясь въ высотѣ, и всякой чуждъ границѣ,
Какъ богъ — онъ въ *Божествѣ*, и какъ поэтъ —
въ *Фелицѣ!*
Тамъ, щедрый въ вымыслахъ, обильный въ красотахъ,
Живущій у меня и въ сердцѣ и въ устахъ,
Кто въ словѣ вѣчно строгъ, плѣнителенъ и ясенъ,
Сатиры остротой и прелестію басенъ,
И сказки дивною, волшебною игрой;
Тамъ Душеньки пѣвецъ, поющій съ ней самой,
Хемницеръ, дышущій невинной простотою,
Любовію къ добру, сей мудростью прямою, —
О, сонмъ моихъ пѣвцовъ! робѣющей стопой,
Когда дерзаю я во слѣдъ великій твой,
Когда, средь тишины, одинъ, ни кѣмъ незримый,
Срѣтаю красоты твои неистощимы,
Твой жаръ, твой пылкій духъ вселяется въ меня:
Я чувствую себя исполненна огня,
И славлю щедрый рокъ, что, генія въ замѣну,
Онъ чувствовать мнѣ далъ твоихъ твореній цѣну!
Пой, Муза скромная, стремись въ ихъ дивный слѣдъ,
Для генія преградъ различій въ полѣ нѣтъ.
Свой разумъ расширяй наукою пространной,
Столь тѣсно съ таинствомъ поэтовъ сочетанной;
Будь душъ отрадою, владычицей сердецъ,
По чувствамъ—женщина, по знаніямъ—мудрецъ.

КЪ БАРДУ.

(Подражаніе Горацію.)

—

Смотри на Апеннинъ, снѣгами покровенный,
Какъ, въ гнѣвѣ, ихъ несетъ бунтующій Борей,
Какъ грозно высятся ихъ глыбы взгроможденны
И съ грохотомъ падутъ на мертвый ликъ полей, —
На Тибръ, облекшійся отъ хлада льдовъ корою,
Чтó дѣлитъ отъ земли туманный небокрай,
И, предлежа дубамъ, пылающимъ грядою,
Спокойно ярость вьюгъ и бури презирай!
Зови меня — и лей, отъ давнихъ лѣтъ хранимый,
Рукою щедрою твой пѣнистый нектаръ —
Да, силою его чудесною живимый,
Угасшій обрѣту въ груди Камены жаръ, —
И, къ лирѣ преклонясь, восторгомъ воспаленный,
Мечты протекшихъ дней очамъ моимъ явлю,
И радость и любовь, сонъ юности мгновенный,
И мракъ таинственный грядущаго прозрю!
Такъ, Бардъ, я буду пѣть, пока еще снѣгами
Мнѣ непреклонный Кронъ не осребрилъ главу,
Пока прядется жизнь у Парки подъ перстами,
И нѣгу, и отрадъ, и Музъ къ себѣ сзову!
Часъ настоящій нашъ — грядущее безвѣстно:
Блюдись отважный взоръ во мракъ его взносить;
А лучше, красоты въ объятіяхъ прелестной,
Спѣши летящее веселіе ловить!

И днесь — подъ шумомъ вьюгъ, при сладкомъ чувствъ томленьѣ,

Дорисы нѣжныя, въ ея цвѣтущи дни,
Притворную боязнь, стыдъ робкій отклони
И слабое руки ея сопротивленье. . . .

МЕЧТА.

Ночи со тмою
Тихо несомы
Къ сѣни моей —
Вѣйтесь надъ мною,
Легкіе сонмы
Милыхъ тѣней:
Пусть, потаенно,
Въ страхѣ и меракѣ
Видимся мы.
Вѣтеръ повѣялъ —
Стукъ протяженный,
Гулъ пролетѣлъ!
Легкій возвѣялъ
Листъ пробужденный,
Лѣсъ зашумѣлъ —
Трепетъ разлился:
Внемлю прихода
Вашего знакъ.
Гробы оставивъ,
Вижу, приникли,
Въ свѣтлой лунѣ,
Въ стекла уставивъ
Ясные лики

Явно ко мнѣ;
Вижу движенье
Легкихъ покрововъ
Вѣтромъ на васъ.
Мирные домы,
Вижу, дрожащій
Кажетъ вашъ перстъ: —
Мшистые холмы
Верхъ свой клонящій,
Дремлющій крестъ;
Сѣрые камни,
До половины,
Вросшіе въ глубь.
Вижу, маните
Друга рукою
Въ свѣтлу чреду;
Ахъ! возвѣстите:
Къ миру, покою,
Скоро ль прейду?
Въ гробѣ сокроюсь,
Жизни оставивъ
Крестъ во главахъ?
Спутники, горе
Васъ не терзаетъ,
Вамъ его нѣтъ.
Опыта болѣ
Духъ вашъ не знаетъ
Тяжкаго бѣдъ.
Скоро ли, други,
Жребій сей сладкой
Съ вами вкушу?

Вмѣстѣ воздремлемъ
Въ свѣжемъ, прохладномъ
Лонѣ земли?
Ею пріемлемъ,
Въ мирѣ отрадномъ,
Въ нѣдра свои —
Скоро ли, братья,
Хладныя длани
Вамъ я подамъ?

К. Д. В....ОЙ,

ПРОСИВШЕЙ СТИХОВЪ ДЛЯ АЛЬБОМА.

Ты хочешь, чтобы я тебѣ изобразилъ
(Неопытный пѣвецъ, на лирѣ неизвѣстной)
Всѣ свойства милыя души твоей прелестной
И скудость моего таланта позабылъ....
Не обижай меня симъ лестнымъ изочтеньемъ;
Дерзну ли описать я Феба дивный свѣтъ,
Когда, въ безмолвіи, единымъ удивленьемъ
Объятый, я стремлюсь предъ нимъ благоговѣть?
Скажу ль, что таинствомъ безцѣннымъ ты владѣешь
Почтенье и любовь снискать себѣ у всѣхъ,
Что сердце нѣжное, завидный умъ имѣешь
И въ обществахъ душа бесѣды и утѣхъ;
Что ты мать нѣжная, что другъ ты неизмѣнный;
Но назову ль, твоимъ достоинствомъ плѣненный,

Слова сіи тебѣ моею похвалой?
Друзья твои, весь свѣтъ ихъ скажетъ предъ тобой,
И что въ моей хвалѣ негромкой и нестройной?
Мнѣ не далъ рокъ въ удѣлъ достоинствъ про-
славлять;
Я въ участи своей, сокрытой и спокойной,
Лишь созданъ ихъ душей и сердцемъ обожать!

КЪ Н. Ѳ. Г....У.

Подражаніе Вольтерову посланію къ Гельвецію.

Отъ шума и суетъ въ твое уединенье
Я мысленно несусь бесѣдовать съ тобой,
Сокрывшійся въ благомъ отъ свѣта удаленьѣ,
Другъ пламенный наукъ и другъ почтенный мой!
Блаженъ, кто съ юныхъ дней желанья ограж-
даетъ,
Для мудрости своей лѣтъ позднихъ не зоветъ,
Кичливымъ замысламъ преграды полагаетъ
И въ мирѣ по стезѣ назначенной идетъ.
Ты тамъ теперь, гдѣ другъ тебя вообра-
жаетъ,
Подъ кровомъ отческимъ, укрывшійся отъ бурь;
Рука самой судьбы покой твой охраняетъ,
И неба твоего всегда цвѣтетъ лазурь!
Съ тобой отрадный миръ, твой вождь и другъ
природа,
Исполненна своей прелестной простоты,

И пламенной души сопутница, свобода,
И радость чистая, и сладкія мечты!....
Благодари боговъ, счастливецъ вознесенный
Надъ низкимъ жребіемъ рабовъ своихъ страстей,
Которы, къ суетамъ съ лѣтъ юныхъ прилѣпленны,
Имъ служатъ, жалкіе, до самыхъ позднихъ дней.
Стремись завидною къ познаніямъ стезёю,
Но въ шествіи своемъ всегда умѣренъ будь;
Пускай твой зрѣетъ умъ сей пищею благою,
Но....другъ мой! и ему предписанъ должный путь;
Какъ солнце, царь планетъ, надъ всѣми вознесенный,
Востекши до небесъ пресвѣтлой высоты,
Онъ, міръ весь озаривъ — отъ блеска, красоты
Спускается....познавъ закатъ опредѣленный.
Всѣмъ радостямъ, трудамъ поставленъ грозный край.
Непостижимая средь строгихъ назначеній,
Судьба речетъ: стремись, но далѣ не дерзай!
Во всемъ умѣренность есть прелесть наслажденій,
И отдыхъ для труда и сила и краса.
Природа мудреца открыла предъ очами,
Руки Зиждителя различны чудеса:
Въ безмолвіи ея плѣняйся красотами,
Но, дерзкой, вопрошать о таинствахъ не смѣй.
Исторгнутъ изъ среды людей обыкновенныхъ,
Благоговѣй предъ тѣмъ, что скрыто отъ людей.
И намъ ли слѣдовать въ путяхъ ея несмѣтныхъ
За сокровенною премудростью Творца?
Ума ли въ тѣсные вмѣстить ее предѣлы

И дать предѣлъ тому, что вѣчно, безъ конца?....
Пусть скажетъ Реомюръ, сей умъ изъ смертныхъ
смѣлый,
Который цѣлый вѣкъ природѣ посвятилъ,
Какими тѣсными незримыми путями
Сію, свѣтящую предъ нашими очами,
Творецъ согласовалъ пространну цѣпь свѣтилъ?
Почто свирѣпый тигръ и аспидъ и гіена,
Рыкающи на брань, разверзнувъ лютый зѣвъ,
Въ груди своей несутъ кипящій вѣчно гнѣвъ;
А серна робкая и агница смиренна,
Въ веселіи стопы стремящія свои,
Столь склонны къ чувствіямъ покоя и любви?
Съ числомъ толикихъ ногъ, по виду безполез-
ныхъ,
Почто сей червячокъ, таящійся во мглѣ,
Дрожащій, движетъ станъ свой гибкой по землѣ,
Зимою погребясь въ ея ущельяхъ тѣсныхъ,
Съ наставшею весны мгновенно теплотой
Пріемлетъ новый видъ, сонъ долгій покидаетъ
И крылієвъ своихъ блестящей красотой
Гордяся, ихъ опять предъ солнцемъ развиваетъ?....
Пусть скажетъ Дюфаи, зарывшійся въ травахъ,
Имъ собранныхъ со всѣхъ обширныхъ странъ
вселенны,
Прикосновеніемъ единымъ умерщвленный,
Почто сей нѣжный цвѣтъ смыкается въ рукахъ?
Я къ медику царя съ вопросомъ прибѣгаю:
(Онъ, вѣрно, свѣдущей товарищей своихъ)
Участникъ въ таинствахъ природы, вопрошаю
Какими средствами, сей хлѣбъ, отъ устъ моихъ,

Весь движетъ мой составъ, въ мои втекаетъ
жилы,
Усталый сердца бой опять собой живитъ,
Разсудку моему вновь дѣйствовать велитъ
И новыя даетъ, ослабшему, мнѣ силы?
А вы, летящіе по сушѣ и водамъ,
Зрѣть міра красоту, испытывать теченье
Планетъ и постигать ихъ тайное влеченье,
Скажите, мудрые, извѣстно ль стало вамъ,
Какимъ путемъ земля вкругъ солнца обтекаетъ,
И блѣдная луна, заимствуя свой свѣтъ,
Какъ образъ свой и ходъ въ часъ срочный из-
мѣняетъ? —
Безмолвіе и вздохъ невольный — вашъ отвѣтъ.
Останься Аргонавтъ, безплодно утомленный,
И тщетнымъ плаваньемъ не возмущай морей.
Почто летѣть за тѣмъ въ предѣлы отдаленны,
Что̀ не постигъ Невтонъ въ обители своей?
Ты компасомъ своимъ вселенну измѣряешь,
Но тѣснаго угла той малыя земли,
Что̀ каждый мигъ стопой премудрой попираешь,
Постигнешь ли во всѣ урочны дни свои?
Я вижу предъ собой, въ искусствѣ васъ ничтож-
номъ,
Чертящихъ внѣшній видъ огромныхъ сихъ па-
латъ,
Въ его строеніи великомъ, многосложномъ —
Тамъ стѣны, тамъ углы черты изобразятъ....
Чудесныхъ совершенствъ сей образъ искаженный,
Плодъ тяжкаго для васъ и тщетнаго труда!
Ихъ внутренность отъ глазъ сокрыта навсегда.

Почто жъ отягощать стремленьемъ разумъ бренный
И мучиться трудомъ, въ которомъ пользы нѣтъ?
Я ль жалкаго сего безумца подражатель,
Который, устремясь въ опасный къ Этнѣ слѣдъ,
Пучины на краю, природы испытатель,
Погибъ отъ пламени и дерзости своей? . . . .
Но честолюбіе опаснѣй всѣхъ страстей.
Безсовѣстный судья, философъ лицемѣрный,
Кокетка съ скромною повязкой на челѣ,
Вельможа, на словахъ и въ дѣйствіяхъ невѣрный,
Подъ маскою влекутъ свой стыдъ по всей землѣ.
Сирены льстивыя, которымъ въ даръ носила
Неопытность моя свободу и покой,
Которыхъ и теперь еще не разлюбила,
И вашей хитрою ласкался я рукой,
И вы мнѣ съ нѣжною улыбкою твердили,
Что болѣе всего любовь мою цѣнили,
Что я вамъ . . . . цѣлый свѣтъ! полнъ страстною тоской,
Я вѣрилъ въ простотѣ безсмыслицѣ такой!
Но нынѣ снова въ миръ съ разсудкомъ я вступаю
И, падъ предъ алтари, боговъ моихъ взываю,
Да въ сладкую меня безвѣстность заключатъ,
И малымъ благъ числомъ счастливца оградятъ;
Да снова, призракомъ ничтожнымъ ослѣпленный,
Безумецъ не бѣжитъ отъ родины священной;
Да Дона на брегахъ спокойныхъ и златыхъ
Судятъ окончить жизнь расцвѣтшую на нихъ!

ДАФНИСЪ И НИСА.

—

Ниса съ Дафнисомъ разстались:
Часъ ужасный для любви!
Долго плакали, терзались
И любовь свою клали.
Дафнисъ Нисою плѣнялся,
Ниса Дафнисомъ жила;
Ахъ, вовѣкъ не разлучайся
Съ той, которая мила!
При послѣднемъ лобызаньѣ
Сиротѣющей любви,
Ниса въ трепетѣ, страданьѣ,
Клятвы въ вѣрности свои
Другу сердца приносила,
Нѣжно Дафниса молила,
Чтобы помнилъ онъ объ ней,
Чтобъ въ урочный часъ досуга
Представлять въ душѣ другъ друга
Потаенно отъ людей.
Вотъ ужъ Дафнисъ долгъ плачевный
Свято чтитъ въ странѣ чужой,
Поцѣлуи — рай душевный,
Шлетъ съ Зефиромъ въ край родной.
Вотъ и Ниса, въ часъ разлуки,
Усладить сердечны муки
И о миломъ погрустить,
Въ срокъ назначенный приходитъ,
И она Зефира молитъ
Вздохи къ милому носить.

День проходитъ, Ниса въ скукѣ
Вспомнить Дафниса идетъ,
И другаго ужъ въ разлукѣ
Утѣшенія зоветъ.
Нѣтъ посылки больше страстной,
И Зефиръ ужъ прочь летитъ
(Одного его ужасно
Поцѣлуями дарить.)
День еще — и утѣшитель
Новый къ Нисѣ подлетѣлъ:
«Поцѣлуевъ будь носитель
Въ дальній къ Дафнису предѣлъ!»
Что же Дафнисъ? врагъ измѣны,
Такъ ли Нисѣ онъ платилъ? —
На колѣнахъ предъ Клименой,
Всякой часъ о ней твердилъ!

КЪ N. N.

ХВАЛИВШЕЙ СТИХИ МОИ.

Сколь сладостно душѣ поэта
Вниманье нѣжныя любви!
Что въ хладномъ удивленьи свѣта,
И въ плескахъ суетной молвы?
Мудрецъ въ немъ скупъ на одобренья,
Хвала невѣждъ тягчей презрѣнья:
Гласъ лести не даетъ вѣнца;
Одинъ твой взоръ, одно вниманье —

Вотъ слава твоего пѣвца
И всѣхъ наградъ его стяжанье!

Сколь жалокъ тотъ, кто пѣсней даръ
На жертву властолюбью носитъ,
И за единый сердца жаръ
Себѣ у Музъ безсмертья проситъ!
Пусть тщетной сей живетъ мечтой:
Болѣзнь души — она тревожитъ,
Но дней его совсѣмъ не множитъ,
Умретъ — и все покрыто мглой.

Другой, другой себя питаю
Сладчайшею наградой я,
Тамъ жить безсмертьемъ не мечтаю,
Гдѣ есть всему чреда своя,
Гдѣ все какъ метеоръ родится
На часъ блеснуть — и вѣкъ сокрыться.
Въ небесный вдохновеній мигъ
Я буду пѣть души забавы,
И тщетной не желая славы,
Лишь упоенье множить ихъ —

Срѣтать въ твоемъ свой пламень взорѣ
И, въ часъ божественныхъ отрадъ,
Которы угасаютъ вскорѣ,
Давать имъ въ пѣсняхъ жизнь стократъ,
Мечтать, уединясь съ тобою,
Сливаться пламенной душою,
Внѣ міра — и забвенны имъ.
Восторгомъ сердце преизбудетъ,

Мой гласъ его отзывомъ будетъ,
Пѣснь — наслажденіемъ вторымъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

(подражаніе Леонару.)

—

Блаженъ, кто, уклонясь отъ суетныхъ мечтаній,
Превратность испытавъ и свѣта и людей,
Съ симъ горькимъ опытомъ — сокровищемъ по-
знаній,
Сокрылся въ мирну сѣнь родительскихъ полей!

И тамъ — съ безпечностью, довольствомъ ограж-
денный,
Дыша свободою, любовію святой
И дружбой . . . . дней своихъ закатъ уединенный,
Проводитъ радостно въ безвѣстности златой!....

Обитель счастія, небесъ благословенье,
Гдѣ кроткіе дары прелестныхъ Музъ цвѣтутъ,
Безвѣстность, мудраго покой и наслажденье,
Какъ сладко онъ съ тобой проходитъ жизни путь.

. . . .

Пусть страшная война по всей землѣ горитъ;
Покоясь на груди своей подруги нѣжной,
Лишь восхищенія онъ пламенемъ объятъ!

Тамъ древъ густыхъ въ тѣни, потокомъ орошенныхъ,
Какъ сладко онъ поетъ блаженство дней своихъ!
Не зритъ ужасныхъ лицъ, порокомъ искаженныхъ,
И, злобныхъ испытавъ, бѣжитъ отъ сонма ихъ.

Не зная хитрости коварныхъ обольщеній,
Неправды, клеветы — дѣля съ однимъ собой
Веселье тайное своихъ благотвореній,
Онъ ближнимъ вѣрный другъ! онъ другъ добра прямой! —

Когда бъ мнѣ жребій сей послало Провидѣнье,
Съ зарею каждою къ Нему бы вознеслись
Мой пламенный восторгъ, мое благодаренье,
И чувства и дѣла въ хвалу бъ Его слились! . . . .

Тогда бъ, для радостей единыхъ пробужденный,
Другъ мирный поселянъ, на ближній холмъ спѣшилъ,
Чтобъ видѣть торжество природы обновленной
И тихой пѣснію Творца благовѣстилъ;

Иль, съ лирой скромною, склонясь подъ сѣнь дубравы,
Въ часъ ясный вечера, въ кругу своихъ друзей,
Я пѣлъ бы ихъ любовь, невинныя забавы
И сладко вспоминалъ веселье прошлыхъ дней!

Или, въ задумчивомъ, безмолвномъ наслажденьѣ,
Исполненъ пламенной къ Всевышнему хвалы,

Древъ внемля тихій шумъ, иль бурныхъ водъ паденье
Со грозной, надо мной нависшія скалы —

Дивился бъ красотамъ природы я чудеснымъ,
Вездѣ разсѣяннымъ всещедрою рукой,
Вездѣ равно благимъ, вездѣ равно прелестнымъ,
И съ лирой соглашалъ хвалебный голосъ мой!

Пусть всѣми позабытъ лишь вы бы мнѣ внимали,
О, милые друзья! и лирѣ бы моей,
Въ награду, вашъ вѣнокъ безцѣнный сплетали:
Онъ мнѣ дороже всѣхъ тріумфовъ и честей!

КЪ * * *

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, гонимъ своей судьбою,
Забытый отъ людей, въ нихъ жалости не зналъ,
Вотще бы ихъ смягчить хотѣлъ моей мольбою,
Но нѣжною бъ твоей любовью обладалъ!

Я бъ счастливъ былъ, навѣкъ забывши свѣтъ прелестный,
Пусть міра красоты исчезнутъ для меня,
Пускай въ степяхъ влачу свой жребій безъизвѣстный;
Но кроткая бъ, слѣпца, вела рука твоя!

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, всѣхъ благъ мо-
                                                            ихъ лишася,
И горечь нищеты и язвы бѣдъ позналъ;
Плодами скудныхъ силъ когда бъ съ тобой дѣляся,
Любви твоей ко мнѣ утратить не мечталъ.

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, увядши дней во
                                                            цвѣтѣ,
Текъ медленно къ концу въ страданіяхъ своихъ;
Когда бъ, ужъ для всего безчувственный на свѣтѣ,
Вкушалъ бы сладкую отраду слезъ твоихъ!

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, ко смерти при-
                                                            ближенный,
Впослѣдніе воззрѣлъ на небо и тебя;
Когда бъ мой хладный прахъ, слезами орошенный,
Изъ рукъ твоихъ навѣкъ пріяла бы земля!....

В. И. П....У,

КОТОРЫЙ ПРОСИЛЪ МЕНЯ НАПИСАТЬ СТИХИ ДЛЯ ЕГО АЛЬБОМА.

Твой добрый вызовъ понимаю:
Съ стихами — всѣмъ моимъ добромъ —
Я радостно себя вмѣщаю,
На память, въ милый твой альбомъ.
Давно обѣтъ другъ другу дали
Хранить поэты свой союзъ,

И чувства дружбы отличали
Всегда прямыхъ любимцевъ Музъ!
Порывомъ къ славѣ грудь ихъ бьется,
Живутъ стремленіемъ однимъ:
Такъ пламень съ пламенемъ сольется —
И сей союзъ неразрушимъ!
Своей стезей пойдемъ мы оба,
Жрецы младые Піэридъ!
Намъ святость Дружбы! — Зависть, злоба,
Для риѳмачей однихъ эгидъ. —
Невинны нравы человѣка
Пѣть съ Геснеромъ не уставай,
И прелести златаго вѣка
Въ стихахъ своихъ напоминай!
Все дышетъ у сего поэта:
Пастухъ его — мудрецъ прямой —
И добрый Пастырь у Адмета
Будь покровитель вѣрный Твой!
Удѣлъ завидный! . . . . Вѣкъ намъ снова
Блаженства въ пѣсняхъ оживи. —
Ахъ, пѣсня вѣка золотова
Есть пѣсня счастливой любви!
Преемникъ милый Теокрита,
Ты смѣло въ слѣдъ его спѣши —
И лира будетъ незабыта
Съ безцѣнной прелестью души. —
Стихи готовы! для залога
Отдать ихъ дружества я радъ;
Хоть для альбома ихъ и много,
Но нынѣ *мѣрой* ихъ цѣнятъ.
Пускай, рукой моей внесенны,

Меня напомнятъ здѣсь тебѣ,
А если будутъ и забвенны —
Я ихъ завидую судьбѣ:
Они сокрылись — средь участья
Твоихъ друзей, твоихъ родныхъ,
Среди воспоминаній счастья
Невозвратимыхъ лѣтъ младыхъ,
Средь милыхъ сихъ произведеній,
Которыхъ видъ мой взоръ плѣнилъ,
Гдѣ въ шелковыхъ узорахъ, Геній
Искусство кисти помрачилъ,
И кои, съ нѣжностью, такъ мило,
На чистые сіи листы,
Въ залогъ священный, помѣстила
Рука Любви и Красоты.

КЪ КОРАБЛЮ.

Горація I книги XII ода: *o Navis! etc.*

Не вновь ли, о Корабль! добыча непогоды,
Ты мчишься по волнамъ и пѣнишь бурны воды?
Зачѣмъ не въ пристани ты держишься своей?
Иль мало испыталъ свирѣпости морей?
Ужъ веслы прочь летятъ! ужъ стонутъ крѣпки снасти,
И щогла, затрещавъ, распалася на части!

Куда безъ вѣтрилъ ты направишь свой полетъ?
Спасителей — боговъ съ тобою болѣ нѣтъ!

Смолистая корма готова сокрушиться
И, вихремъ вздутый валъ, къ ней съ смертію
стремится!
Ни имя славное родной твоей страны,
Ни ребра, что изъ сосенъ понтійскихъ сплетены,

Испуганнымъ пловцамъ ничто ужъ не защита.
Коль милуетъ еще судьба тебя сокрыта —
Не будь въ бездѣйствіи! Ахъ! сколько горькихъ
слезъ
И страха мнѣ, Корабль, недавно ты нанесъ!
Брегись опасныхъ скалъ, брегись цикладской
мели:
Могущи корабли отъ нихъ не уцѣлѣли.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Подражаніе Горацію.

Всему назначенъ срокъ, все время поглощаетъ,
Такъ Діемъ, Меценатъ, могущимъ, суждено;
Безсмертнаго въ себѣ міръ тлѣнный не вмѣщаетъ,
Начало бытія съ концемъ сопряжено.
Въ Родосѣ ль славномъ, въ Ефесѣ ль, въ Ми-
тиленѣ,
Среди ль приморскихъ стѣнъ Коринѳа ты жи-
вешь:
Повсюду подлежишь погибельной премѣнѣ —

И всюду подъ косу губящую течешь.
Ни Өивы, Вакховъ градъ, ни Дельөы Аполлона,
Ни өессалійскихъ миръ долинъ;
Не скроютъ отъ руки всегубящаго Крона,
Подъ коею падутъ и рабъ и властелинъ,
И тотъ, кто быстрыми несомый въ бѣгъ конями,
Среди ристалища исхитить лавръ спѣшитъ,
Равняющій его съ богами,
Кто грузомъ кораблей Понтъ Черный бременитъ,
Съ ливійскихъ дань полей богатую сбираетъ
Расширя кто предѣлъ наслѣдственный отцовъ,
Чтитъ раболѣпственный поклонъ своихъ льсте-
цовъ.
И черни плескъ себѣ неистовой внимаетъ —
И тотъ, кто, устранясь заботъ,
Ласкаемый сердечнымъ миромъ,
При шумѣ касталійскихъ водъ,
Поетъ, внимаемый кудрявыхъ рощъ Сатиромъ,
Иль сонмомъ легкихъ Нимфъ сплетенныхъ въ хо-
роводъ:
Должны погибнуть всѣ! — таковъ законъ при-
роды!
Отъемлетъ и даетъ рука ея равно!
Всѣмъ съ той же быстротой мелькаютъ дни и
годы:
Въ дѣлахъ для смертнаго отличіе одно.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

ОПЕКУНЪ-СТИХОТВОРЕЦЪ.

—

(СВИСТОВЪ, *входя на сцену, наталкивается на служанку, которая бѣжитъ, замышкавшись съ Дамономъ.*

. . . . И вѣчно помѣшаютъ!
Лишь мысль счастливая и риѳма мнѣ пришлась,
Дѣвчонка, въ бѣшенствѣ, какъ съ цѣпи сорвалась!
Въ какую приведутъ всегда меня въ досаду!
О, дорого стяжать поэтамъ здѣсь награду.
Пусть въ свѣтѣ думаютъ легко на этотъ счетъ,
А я — при мысли сей — меня бросаетъ въ потъ.
Во что мнѣ, напримѣръ, обходится творенье:
Сиди, потѣй, пиши, терзай воображенье,
Здоровье самое, въ мои къ тому жъ лѣта . . . .
Но слава — но вѣнецъ — все прочее мечта!

ДАМОНЪ.

Могу ли честь имѣть усердья изъявленьемъ . . . .

СВИСТОВЪ (*въ сторону*).

Тьфу къ чорту! я опять разстался съ вдохновеньемъ;
Благодарю, сударь!

ДАМОНЪ.

Вмѣнилъ себѣ я въ долгъ,
Пріѣхавъ, быть у васъ почтенія въ залогъ;
Давно, сударь, искалъ я случай драгоцѣнной,

Увѣрить васъ въ моей пріязни неизмѣнной —
И коль не отвлеку присутствіемъ моимъ....

СВИСТОВЪ.

Да, временемъ, сударь, мы много дорожимъ.

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

Не въ духѣ что-то онъ, но должно приласкаться!
(*къ нему*)
И я не менѣе: вѣдь не всегда удастся
Людей съ талантами, такихъ, сударь, какъ васъ,
Увидѣть при дворѣ, не только здѣсь у насъ,
И общее о васъ отличное толь мнѣнье....

СВИСТОВЪ.

Конечно о моемъ послѣднемъ сочиненьѣ
Хотите вы сказать —

ДАМОНЪ.

Такъ точно.

СВИСТОВЪ.

Очень радъ!
Хорошій знакъ, когда достоинства цѣнятъ.
И вы уже его, навѣрно, прочитали —
(*въ сторону*)
Такъ скоро одъ моихъ еще не раскупали!
Благодарю, сударь, благодарю за вѣсть.
И вамъ понравилось, вашъ вкусъ....Прошу при-
сѣсть.

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

О, Небо! я его не знаю и названье....

СВИСТОВЪ.

Что лучше въ немъ для васъ?

ДАМОНЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Что лучше?.... окончанье!
И всё, сударь, и всё — (не знаю какъ мнѣ быть!)
Прекрасные стихи возможно ль не хвалить?

СВИСТОВЪ.

За честь благодарю; но мнѣ бъ пріятно было
Узнать, особенно что̀ въ нихъ васъ поразило?
Не правда ль сей порывъ восторга — планъ и ходъ?

ДАМОНЪ.

Такъ точно.

СВИСТОВЪ.

Вы, сударь, любитель, вижу, одъ.

ДАМОНЪ.

Люблю.

СВИСТОВЪ.

О! насъ провесть, поэтовъ, очень трудно;
Мы вкусы узнаемъ тотчасъ — вамъ это чудно —
Такъ точно вы, сударь, большой любитель одъ.
И самъ до крайности люблю я этотъ родъ.
Когда же истинныхъ вы лириковъ цѣните....

ДАМОНЪ.

Возможно ль не любить поэтовъ?

СВИСТОВЪ (*вспрыгивая*).

Обоймите!
Мой домъ и кабинетъ для васъ всегда открытъ.

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

Начало доброе!

СВИСТОВЪ.

Иной нашъ братъ, піитъ, —
Конечно, и у насъ въ Россіи есть поэты, —
Все пишетъ пѣсенки, посланья, да сонеты.
Я этотъ мелкой вздоръ, признаться, не люблю:
И къ славѣ проложилъ самъ новую стезю.
Тѣ пишутъ попросту, въ нихъ все обыкновенно:
Читаешь — тотъ языкъ, что слышишь повсе-
дневно,
И, такъ сказать, за умъ никакъ не заберетъ;
Но истинный поэтъ — хотъ что онъ и совретъ,
За то для простяковъ не можетъ быть понят-
нымъ,
И вотъ что я зову наитьемъ благодатнымъ.
Не правда ли, сударь?

ДАМОНЪ.

По мнѣ, поэта долгъ,
По крайности понять его чтобъ всякой могъ.

СВИСТОВЪ.

О, нѣтъ; вы судите согласно съ общимъ мнѣньемъ,
Я это доказалъ однимъ стихотвореньемъ.
Какъ всякому понять? Когда признаюсь вамъ,
Нерѣдко самъ дивлюсь я собственнымъ стихамъ,
И кончивъ вечеромъ иное сочиненье,
Мое ли, поутру, не вѣрю въ восхищеньѣ;
И, чтобы точно знать, что я его писалъ,
Велю, чтобъ секретарь за мною примѣчалъ.

ДАМОНЪ.

Вы, должно быть, поэтъ единственный межъ нами.

СВИСТОВЪ.

Да, эти сѣдины я нажилъ надъ стихами.
Для славы сограждань писать не устаю;
Но, къ сожалѣнію, отъ васъ не потаю,
Цѣнить достоинства не знаетъ свѣтъ коварный,
И даже, признаюсь, о вѣкъ неблагодарный!
Лишь только выпустилъ стихи мои въ печать,
Чуть-чуть мнѣ не пришлось изъ города бѣжать:
Съ такою злобою повѣсы и нахалы
Насмѣшками о нихъ наполнили журналы —
Читателямъ терпѣть не должно бъ сихъ листовъ!
Не только не щадятъ ни званья, ни трудовъ,
Но скаредный такой ввели обычай въ моду,
Что мнѣ, пѣвцу, въ глаза смѣются какъ уроду!
Но зависть презирать издѣтства я привыкъ.
Вы любите стихи — божественный языкъ —
И съ вами сей же часъ злыхъ критиковъ забуду —
Позвольте (*беретъ ужасную кипу*) притащу я ма-
ленькую груду —
Здѣсь классъ лирическій....,

ДАМОНЪ.

О, Боже! что со мной?

СВИСТОВЪ.

Вы удивляетесь? а это сортъ другой:
Вязанка полная сокровищъ Аполлона,
И притчей, кажется, почти до милліона!
Вы не повѣрите какъ легокъ этотъ родъ;
Здѣсь все комедіи....

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

Тиранъ и сумасбродъ!

СВИСТОВЪ.

Но это все ничто предъ этой кипой славной.
Здѣсь всѣ: Корнель, Расинъ и самъ Вольтеръ
забавный!
Вотъ тронъ, сударь, вотъ тронъ, на коемъ вижу я
Во всякомъ критикѣ ничтожнаго враля!....

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

МИЛОНОВА.